СВЕРДЛОВСК УЛЫБАЕТСЯ

юмористические рассказы,
пародии, эпиграммы

СВЕРДЛОВСК

Э. АБАЙДУЛЛИНА
С. АЙНУТДИНОВ
В. АНИЩЕНКО
В. АРК
С. АШМАРИН
В. БОГДАНОВИЧ
Ф. ВИБЕ
Б. ВОРОБЬЕВ
А. ГЕНКИН
Г. ДРОБИЗ
Б. ЗЕЛИЧЕНКО
Д. КЛЕЩЕВ
Ю. КОВЯЗИН
В. КОРШИК
В. КОСТРОМИН
А. КРАВЦОВ
Н. КРУТИКОВ
А. КУНИЦЫН
Ю. ЛЕВИТ
С. МАРЧЕНКО
Б. МАТЮНИН

СВЕРДЛОВСК
1981

УЛЫБАЕТСЯ

Б. ЯШИН
Э. ЯКУБОВСКИЙ
В. ЮРЧИКОВ
Р. ШИПУЛИН
А. ШВЕДОВ
М. ШВАРЦ
В. ХОРОШИЛЬЦЕВ
Г. ТКАЧЕВ
И. ТАРАБУКИН
В. СУМНЫЙ
В. СМИРНОВ
В. СИБИРЕВ
О. РУДИН
В. ПОСТОЕВ
А. ПОПОВ
Г. ПОДКУПНЯК
А. ПИЧУРИН
В. ПЕЧЕНКИН
Ш. ПАМИРОВ
В. ПАВЛОВ
М. НЕМЧЕНКО

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Р2
С24

Составитель Феликс Вибе

С24 **Свердловск улыбается.** Юмористические рассказы, пародии, эпиграммы. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981.— 128 с. с ил.

Этот сборник продолжает добрую традицию содружества свердловских юмористов в литературной работе. Своеобразными итогами такого содружества уже стали ранее изданные коллективные сборники «А еще в шляпе...», «Шестиколесные сани», «Терновый жребий».

В эту книгу впервые вошли новые произведения почти всех представителей «веселого цеха» Свердловска и области, а также работы карикатуристов.

С $\frac{70500-053}{М158(03)-81}$ 4702010200 Р2

ГЕРМАН ПОДКУПНЯК

РАССКАЗЫ

Вперед, на Олимп!

Наш новый заместитель начальника всю неделю озабоченно пересчитывал сотрудников.

— А где инженер Скобликов? — спрашивал он, заглядывая в табель.— У него тут стоят восьмерки, а я его ни разу не видел на рабочем месте.

— Скобликов во Львове,— сказал я.— На сборах штангистов-разрядников.

— Это интересно,— хмыкнул Мылов и поставил в табеле закорючку.

— Усольцеву тоже не ищите,— добавил я.— На высокогорном катке. Акклиматизируется.

— М-да,— протянул заместитель.— А кто такой Усмиревич М. А.?

— Это Миша. Он играет в хоккей за сборную завода.

— И что, всегда в рабочее время?

— Да, почти,— вздохнул я.

Мылов снял очки и потер переносицу.

— Но это же безобразие! — сказал он.— Нарушение трудовой дисциплины.

Я пожал плечами.

Тут хлопнула дверь, и в отдел влетел Миша Усмиревич. Он был возбужден, но дышал спокойно и уверенно. Настоящий спортсмен!

— Привет коллегам! — выпалил он.— Как у нас насчет прогрессивки?

— Подойдите ко мне, гражданин,— ледяным басом сказал Мылов.

Миша слегка удивился, но подошел.

— Ваша фамилия?

— Моя? Усмиревич.

— Очень приятно. Рад вас видеть.

Миша почуял подвох и заметно погас.

— Потрудитесь объяснить свое отсутствие в письменном виде.

— Ха! — улыбнулся Миша.— Я же с «Вымпелом» играл.

— Ну и что из этого?

— То есть как — что? Да мы же их разделали: пять — один!

— Вы что, профессионал? — холодно спросил шеф.

— Нет,— испуганно сказал Миша.— Я любитель.

— А я вот возьму и вас уволю. За прогулы.

«Правильный мужик,— подумал я.— Он этих разгильдяев выведет на чистую воду. Манеру себе взяли — за государственный счет шайбу гонять».

— Подумаешь,— сказал Усмиревич.— Испугали! Да меня на моторный уж когда зовут. Квартира сразу, и зарплата погуще.

— Что же вы туда не уходите? — усмехнулся Мылов.— Патриот родного завода?

— Да нет,— обиделся Миша.— Мне в завкоме «москвичок» обещали вне очереди. Если в «пульку» проскочим.

Вот подлец, а! «Москвич» ему надо. А ты за десять лет работы на велосипеде подпрыгиваешь.

— А виды на пульку есть? — строго спросил заместитель начальника.

— Виды-то есть,— уныло сказал Миша.— Подходящего тренера пока нету. Всей дирекцией ищут.

— А база есть? — оживился Мылов.

— База есть,— сказал Усмиревич.— База — что надо! Прошлый год заместо детсада отгрохали. С искусственным льдом.

— Это хорошо,— похвалил Мылов.— А материальная заинтересованность как?

— Заинтересованность в порядке,— сказал Миша.— Двести здесь плюс два шестьдесят на выезде.

— А тренеру у вас сколько дадут?

— Да уж двести пятьдесят чистых,— сказал Миша.— Тренерская работа — она нервная.

— Так, так,— протянул зам и побарабанил пальцами по табелю: — Задал ты мне задачу.

Миша с вялой готовностью поглядел на дверь и привстал.

— А знаешь?! — вдруг сказал Мылов.— Я пять лет «Дизель» тренировал.

— Да ну! — оживился Усмиревич.— Классная была команда.

— Еще бы,— зарделся Мылов.— По пятьсот шайб за сезон забрасывали.

— Что же вы здесь сидите?! — завопил Миша.— Мы вас на руках носить будем.

— Мудро говоришь,— важно сказал Мылов.— Надо отечественный спорт в массы внедрять. На недосягаемую высоту.

Миша воспринял эти слова как призыв к действию и выгнул грудь в голубой олимпийке.

— Позвольте?! — сказал я, совсем сбитый с толку.— Что же это получается?

— Ты, Перышкин, сиди,— жестко сказал зам.— Спорт — это дело сложное. Пошли, Миша, в дирекцию. Я вас в пульку вытащу.

Теперь мы сидим в отделе вдвоем со Степой Бутиным, отчеты пишем. За окном темень, дома котлеты давно остыли. Тихо у нас, жутковато. Все разъехались. Бьются в пульке.

Юбилей

Саночкин был самым незаметным человеком в отделе. Начальник даже не знал его имени-отчества, а сослуживцы запросто посылали Саночкина в буфет за сигаретами.

Все в отделе были незаурядные люди. Гаврилиади имел «Москвича», Швеллерман разводил меченосцев и кардиналов, а Фонотекин умел шевелить ушами. Кира Семеновна пела в самодеятельности, а Болдуевский был непревзойденным мастером по разгадке кроссвордов.

Один Саночкин был скучным работягой. С утра до вечера он чертил балки и опоры, жил в общежитии и целый час ехал в КБ на трамвае.

В отделе работала еще машинистка Лидочка. Она часто куда-то надолго исчезала, красивая и загадочная. Саночкин тревожно подозревал, что Лидочка бегает на свидания, но не хотел в это верить.

Лидочка не знала, что каждую ночь она является в сны Саночкина и остается в них до утра.

Так они и жили. От полного невнимания к себе Саночкину было тоскливо и грустно.

«Вот умру,— подумал он однажды, почувствовав недомогание,— а они и не заметят».

Он представил себя в гробу в полном одиночестве, и ему стало совсем противно.

Саночкин еле добрался до общежития и, знобясь, лег в постель. Наутро проснулся с температурой и впервые в жизни не вышел на работу.

— Вирус А2,— привычно констатировал врач.

На службе этот день начался как обычно.

— Где план-график? — спросил начальник отдела.— Кто исполнитель?

— Я,— доложил Гаврилиади.— Я и Саночкин.— И засуетился, разбрасывая бумаги на своем столе

в поисках плана, хотя и знал, что это пустое дело: планом занимался Саночкин.

— Наверное, Саночкин взял,— хмуро сказал Гаврилиади.— Без спроса.

— Так,— сказал начальник.— Тогда попрошу эскизный проект.

Никто не знал, где проект, и все заметались, гремя ящиками и заглядывая под канцелярские шкафы.

Начальник ждал, на глазах наливаясь тучей, и все затравленно притихли.

— Может, у Саночкина,— робко вспугнул тишину Фонотекин и дрогнул ухом.

— М-да...— протянул шеф, ища штатное расписание.— А кем у нас оформлен этот Саночкин? Руководителем группы?

— Что вы?! — единодушно возмутился коллектив.— Инженером третьей категории.

— Местком, ко мне! — жестко сказал начальник и, встав, сурово оглядел шеренгу подчиненных.

Саночкин возвращался из аптеки, когда рядом раздался победный клич:

— Вот он!

Саночкин испуганно обернулся и уронил пакет с тетрациклином. Из такси с букетами наперевес выгружались его незаурядные сослуживцы.

Коллеги галдели так, будто видели перед собой не Саночкина, а Джину Лоллобриджиду.

Саночкин ошалело попятился, но начальник отдела глотнул воздуха, подхватил инженера третьей категории на руки и, тужась, как бульдозер, засеменил к общежитию.

— Даешь вахту у постели больного! — вопил Швеллерман, размахивая бисквитным тортом.

Выход Саночкина на работу коллектив отметил коротким митингом и бутылкой шампанского.

Счастливый Саночкин взялся за дело. Логариф-

мическая линейка летала в его руках, как ткацкий челнок. За исходный месяц отдел получил прогрессивку, и все облегченно вздохнули. Жизнь вошла в нормальную колею.

А Саночкин однажды вдруг обнаружил, что закончил проект десятого моста.

— Товарищи! — обрадованно закричал он.— Мы рассчитали десять мостов!

Все оторвались от обычных своих занятий и внимательно посмотрели в его сторону. А Лидочка подошла совсем близко и без церемоний расцеловала Саночкина в обе щеки.

Десять мостов — это было интересно. За десять мостов можно было отхватить приличную премию.

Саночкин заалел лицом, а Лидочка, взглянув на часы, выпорхнула из отдела.

РУДОЛЬФ ШИПУЛИН

ЭПИГРАММЫ

Простой выход

Сообщается от прадедов
потомству:
«Очень много можно сделать
по знакомству...»
Почему же мы так долго
церемонимся?
Ну давайте все, как есть,
перезнакомимся!

Природный дар

Перед ним робел и трепетал
Даже тот,
кто сроду не был трусом:
Критик, без сомненья, обладал
Тонким поэтическим...
укусом.

Компромисс

Поднажмут на человека —
он и скис:
Не согласен, а молчит
да соглашается...
В общем, многие идут
на компромисс,
Но не каждый из ушедших
возвращается.

Тень на плетень

Не отличался он — ни-ни! —
Самодовольством и нахальством:
Всегда старался быть в тени —
В тени, роняемой начальством.

Узкая специализация

— Все учусь,— вздыхал он,—
да не шибко
Что-то подвигаются дела...
Он учился только
на ошибках —
В том ошибка главная была.

Головоломка

Прямой ответ
Еще не дал никто:
Какой работник
Более удобен? —
Когда он не способен
ни на что
Или когда, увы,
на все способен?

ЭММА АБАЙДУЛЛИНА

РАССКАЗЫ

Азбука любви

Ей сразу не понравился его веселый, бодрый вид.

«Видно, не очень тосковал в разлуке,— подумала она.— Да что там, его буквально распирает от радости! Где же следы мук, печали, которые терзали его, пока мы не виделись? Ничего подобного. Ясный взгляд не замутнен скорбью, горькие морщины раздумий не избороздили лоб, под глазами что-то не видно темных кругов от бессонницы».

— Интересно, отчего ты так сияешь? — не удержалась она от вопроса.

— Во-первых, здравствуй, дорогая, а во-вторых, ты знаешь: оттого, что вижу тебя наконец. Ужасно соскучился.

«Не заметно»,— подумала она и спросила:

— Как ты провел вчерашний вечер?

— Какой вечер? Мы ж с тобой расстались почти в полночь. Пока добрался домой — уже час. Хотел

почитать, да, откровенно говоря, заснул с книгой.

Вот, проговорился! И это называется влюбленный! Новоявленный Ромео! Нет, такой не простоит ночь под лоджией в надежде увидеть в окне хотя бы тень любимой. Спит, как сурок. Никаких грез, мечтаний, томления при воспоминании о прощальном поцелуе.

— Ну, а утром ты что делал? — спросила она.

— О, утро было приятное. Не успел открыть глаза, а мама уже несет мой любимый картофельный пирог. На меня вдруг такой аппетит напал, сразу полпирога съел.

«О времена, о нравы! — с тоской подумала она.— Любовь и питание. Где, в какие времена эти понятия были совместимы? Нигде и никогда! Потерять аппетит — это же азбука любви. Да влюбленному просто в голову не придет закусывать: все его мысли, желания принадлежат ей, любимой. Он места себе не находит, мечется, как сумасшедший. Меджнун, например, в переводе означает безумный. Он был прозван так за свою любовь к Лейле. Уж он, конечно, не тратил времени на завтрак».

— Надеюсь, ты серьезно позанимался, ведь до защиты диплома рукой подать? — спросила она.

— Не беспокойся, дорогая, работал, как зверь. Я...

Но она уже не слушала его. Все ясно. Он занимался прилежно, как любой другой не влюбленный человек. Но ведь известно: когда ты влюблен, никакая работа на ум не идет, все валится из рук. Есть только один род деятельности, который можно понять и простить,— создание стихов, поэм, сонетов в честь любимой. Увы, сомнений нет, перед ней не Петрарка. Надо расставаться, и решительно: ведь он ее не любит.

— Ты чем-то недовольна? — услышала она ласковый голос.— Скажи, милая.

— Что говорить,— с досадой бросила она.— Ответь мне лучше: мог бы ты задушить меня, как Отелло?

— За что, дорогая? — улыбнулся он.— Я люблю тебя, и у меня блестящая идея: пойдем в кино.

— Ты еще способен шутить! Какое кино! — возмутилась она и выпалила ему все, что передумала за это время.— Не о такой любви я мечтала,— твердо заключила она.

Он молчал.

— Вот видишь, тебе нечего возразить, значит, я права. И вообще, что за вид у тебя!

Он смотрел угрюмо, горькие морщины пересекли лоб, темные круги, словно от бессонницы, легли под глазами.

— Ты почему, собственно, такой мрачный? — почувствовав неясное беспокойство, спросила она.— И после этого ты смеешь уверять, что любишь меня. Да когда человек видит любимую, его буквально распирает от радости. А ты! Нет, это не любовь. Мог бы ты, например, ухаживать за другой, чтобы вызвать мою ревность?

— Мне такое просто в голову не приходило,— заметил он.— Честно говоря, раньше мне нравилась Верочка, но теперь...

Ах вот оно что, Верочка! Оказывается, ему нравилась другая. Ну и непостоянство! Она сегодня же с ним расстанется, решено, пусть пострадает, пусть оценит, что потерял. Подумать только, она его любит, а он с утра питается картофельным пирогом и помнит каких-то Верочек. Нет, вообще-то он, конечно, неплохой. Прошлой осенью, к примеру, целый час ждал ее под проливным дождем — и ни слова упрека. Интересно, эта Верочка может ему снова понравиться? Едва ли. А вдруг! Этого только не хватало! А какой он внимательный, нежный. Когда она уезжала на практику, он, сумасшедший, по два

письма в день писал ей. И всегда старается ее развеселить: люблю, говорит, когда ты смеешься. Неужели он способен так же улыбаться другой? Подумать невыносимо. А девчонки-то откровенно на него заглядываются. Но главное — как он ее любит! Как умеет страдать: от одного ее слова так в лице переменился. Какая тонкость, какая глубина чувств! И с какой стати она должна с ним, таким замечательным, расставаться. Да ей дня без него не прожить!

— Дорогой,— нежно сказала она.— Я согласна: сегодня объявим о нашем решении маме.

Голос сверху

Долгожданный трамвай наконец появился, и Веня, интеллигентно пропустив всех вперед, поднялся на подножку. Дернувшись пару раз, трамвай начал набирать скорость. Тут же раздался шипящий, словно прорывающийся из космоса звук:

— Граждане пассажиры, не задерживайтесь на задней площадке, проходите в середину вагона.

Веня начал старательно пробираться вперед.

— Гражданин, куда вы лезете? Ну что за люди! По головам шагают, и хоть бы что! — тотчас среагировала полная особа, которую он попытался обойти.

— Так велели в середину проходить,— смутился Веня. В тот же момент голос над его головой проникновенно посоветовал:

— Вошли в вагон — сразу оплачивайте свой проезд.

— У меня проездной,— радостно сообщил Веня, но голос сверху строго добавил:

— Не позорьтесь, граждане, из-за трех копеек: в вагоне контролер.

Веня достал проездной билет, поискал глазами контролера. Все стояли непроницаемые, как шкафы.

— Извините, вы не контролер? — обратился Веня к солидной и честной на вид женщине.

— Молодой человек, ведите себя прилично, вы ж в сыновья мне годитесь,— пылая благородным гневом, ответила та.

— О чем вы, я билет хотел показать... Товарищ, а вы не контролер? — приветливо спросил он юношу.

— Отвяжитесь! Нет никакого контролера. Это она на испуг берет таких, как ты, кретинов.

— Граждане,— продолжал голос сверху,— следите за правильной оплатой, помните: совесть — лучший контролер.

Совесть отозвалась в Вене высоко и чисто. Он забыл свои огорчения и проникновенным взором обвел близстоящих и близсидящих пассажиров. Никакого волнения в их рядах не произошло. Можно было подумать, что каждый купил минимум по два билета. Только одна старушка в темном платье заерзала под его взглядом, сморщилась и вдруг заплакала:

— Ну что ты уставился, ирод? Нет у меня билета, нет!

Она шумно сморкалась и вытирала скорбные слезы. Публика зашевелилась, растроганная чистосердечным признанием старушки, и в порыве возмущения обернулась к Вене:

— Вот тип! Бабушку до слез довел!

— Он и ко мне приставал!

— Подозрительный субъект!

Веня забился в конец вагона, прижался разгоряченным лбом к окну и замолк. Но голос динамика заставил его вздрогнуть:

— Молодой человек на задней площадке, вы что, особого приглашения ждете? Почему билет не покупаете?

— Это она кому? Мне? — едва не заплакал Веня.

Он рванулся к выходу, но голос догнал его:

— Выход только через переднюю дверь, задняя открываться не будет.

Веня зажмурился, сделал глубокий вдох и пошел в толпу.

— Он еще и толкается! — заверещала толстая особа.

— Гнать таких фулиганов! — прошамкала старушка-безбилетница.

— Врезать бы ему по шее разок,— прогудел верзила с медным лицом.

Шум нарастал, и наконец толпа дружно выдохнула:

— Высадить его, нечего с хулиганами церемониться! — и выдавила Веню из вагона.

Веня стоял на остановке, а из окна уходящего трамвая ему расплющенно улыбалось медное лицо верзилы.

ИГОРЬ ТАРАБУКИН

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Служащий из Ла-Манчи

Давным-давно скончался Дон Кихот,
Но в смерть его не верилось мне что-то...
И вот вчера я встретил у ворот —
Лицом к лицу — живого Дон Кихота!
Он постарел, немножечко обмяк,
Но под усами — та же эспаньолка.
Взамен доспехов — замшевый пиджак,
На голове — спортивная ермолка.
— Мой славный рыцарь! Неужели вы?!

2 Заказ 152

Он встрепенулся, глянул удивленно,
Потом стянул ермолку с головы
И отступил в поклоне церемонном.
— Как вам живется? Как ваш Росинант?
— Мой Росинант, автомобиль точнее?..
А лошадь сдал я — дорог провиант.
Теперь вдвоем, с прекрасной Дульсинеей.
— Все так же, верно, боретесь со злом?
— А как же! Верен долгу забияки.
Сейчас иду, к примеру, в исполком:
Мешают спать бродячие собаки...
Прошу унять... Как видите, я жив.
И неизменно предан идеалам!
(Стал рыцарь мой немножечко болтлив,
И что-то в нем как будто бы пропало.
Хотя почтенный возраст ни при чем.
Он так же бодр и гордо хмурит брови...
Приметил, правда, я под пиджаком
Засунутый в карман журнал «Здоровье».)
— Люблю читать,— признался Дон Кихот,—
И прессу, и, конечно, детективы...
Ведь так иной занятно завернет!
Всегда влекут прекрасные порывы...
Да, с Дульсинеей мы купили сад,
Жене устроил кто-то тес на дачу...
Не кажется ли вам, что это блат?
Хотя соседи говорят — удача.
Мол, всюду так, такие времена...
Но тес и честь!
Сравните, что ценнее?!
Так и сказал супруге, но она...
Вы ж знаете характер Дульсинеи?!
Я поспешил раскланяться в ответ:
— Прощайте, милый рыцарь из Ла-Манчи.
Вы служите?
— А как же! Много лет
Работаю на мельнице, у Санчо.

АНАТОЛИЙ ПОПОВ

РАССКАЗЫ

Конспираторы

После обеда, соблюдая полную конспирацию, мы прокрались гуськом в трансформаторное помещение, закрылись. Одну партию в домино разыграли, слышим, стучится кто-то, да так деликатно, что мурашки по коже. Сидим на ящиках из-под гвоздей, вздрагиваем и на что-то еще надеемся. Но надежды рухнули.

— Открывайте! — раздался голос нашего мастера Дмитрия Платоныча.

— Влипли! — жалобно прошептал Костя, самый младший из нас.— И на черта я с вами пошел! Получишь теперь разряд! Дожидайся!

— Молчать!..— Степа, самый старший из нас, показал ему кулак.— Всем оставаться на местах. Домино убрать. У нас собрание, поняли? Прорабатываем! За аморальное поведение! Его!..— И он ткнул в меня пальцем.

Все оживились, повеселели. Я тоже обрадовался: выйдем из положения.

— Прорабатывайте,— говорю.

Дверь открыли, и входит мастер Дмитрий Платоныч. Кепку снимает и присаживается в уголок на свободный ящик.

— Не помешал? — спрашивает.

— Что вы! — заверил Степа.— Ничуть! Кстати даже. Мы тут Ваську Силкина за аморальность всякую разбираем, по-свойски. Воспитываем, так сказать.

— Дело хорошее! Воспитывать надо. Молодцы! А я так и думал каждый раз, когда вас подолгу на участке не бывает, что вы общественной работой занимаетесь, только не знал, где. Секретаря-то собрания выбрали?

— Выбрали,— и Степа указывает на Костю.— Вот он!

А тот поддакивает, держит шариковую ручку. Лист бумаги откуда-то появился.

— Ну-ну, — доволен Дмитрий Платонович.— Заканчивайте, заканчивайте...

И тут началось.

— Думаешь, не прогульщик — так уже передовик? Тоже хорош гусь!

— Вчера бутылку водки через проходную пронес?

— А позавчера дебош в гастрономе устроил?

— Совести у тебя нет!

— Не нравится в бригаде — скажи. Не будем удерживать!..

— Ну, закругляйтесь. Аморальность Силкина налицо,— подытожил мастер.— У кого какие предложения? Перерыв давно прошел.

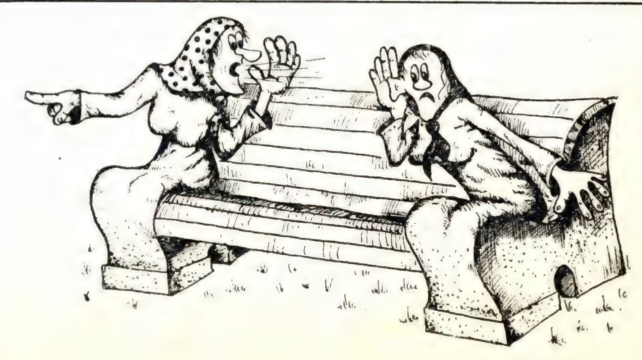
— Лишить на первый случай премии! — быстро придумал Степа.

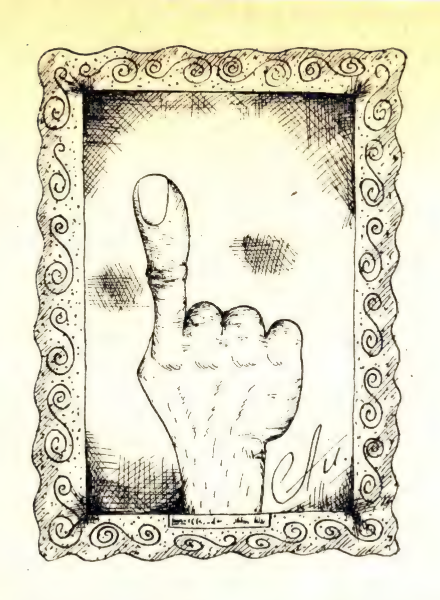
— Единогласно! — сказал весело Костя и записал.

К концу дня в цехе появилась «молния»: «В бригаде станочников оперативно и действенно борются с разгильдяями типа Силкина. Молодцы! Силкин будет лишен премии».

СЕРГЕЙ АЙНУТДИНОВ

ФЕЛИКС ВИБЕ

РАССКАЗЫ

Что есть искусство?

Корреспондента областной газеты, молодого и полного энергии Гришу Прыголетова, давно уже выбивало из колеи одно обстоятельство. С присущей ему острой наблюдательностью он заметил, что привычные с детства названия театральных спектаклей — «Ромео и Джульетта», «Снежная королева», «Лебединое озеро», «Сильва» — стали вытесняться афишами другого рода: «Производственное совещание», «Комиссия», «Встречное обязательство» и тому подобное. А когда он узнал, что местный драматический театр готовит к постановке новый спектакль под названием «Повестка дня», он в сердцах воскликнул:

— Что же все-таки есть искусство, черт возьми? Где мы — в театре или в жизни? В царстве Берендея или на профсоюзной конференции? Пьем волшебный напиток иллюзий или выполняем производственный план? Есть же границы! Есть, наконец...

Что именно еще «есть, наконец», Гриша Прыголетов определить затруднился, вовсе вышел из себя и решил вмешаться.

...Все ходы и выходы в театре Гриша отлично знал и беспрепятственно прошел, поздоровавшись с вахтером, через служебный вход прямо в зал. Здесь царствовала почти полная темнота, но сцена была освещена хорошо. Там сидело на скамьях у покрытого зеленым сукном стола человек пятнадцать. В некоторых Прыголетов узнал известных в городе артистов.

Выступал молодой парень в рабочей спецовке.

— Я никакой не склочник! — страстно говорил он.— Но есть понятие о справедливости. Оно в данном случае грубо нарушено. Терпеть это — значит потворствовать силам мрака и зла...

— Под Шекспира заседание выдают! — пробормотал Прыголетов.— Посижу немножко, а потом пойду потолкую с главным режиссером.

Между тем парень в спецовке продолжал свою речь, и хотя Гриша пропустил объяснение сути дела, горячность молодого рабочего ему нравилась. Видно было, что парень переживает по-настоящему.

— Правильно излагает! — хорошо поставленным баритоном поддержал его заслуженный артист Колмогоров.

Корреспондент удивился всегдашнему умению Колмогорова быть предельно естественным.

— Бабушка надвое сказала! — пискляво возразил артист, фамилию которого Прыголетов никак не мог вспомнить,— то ли Шерстобитов, то ли Волконогов. Он еще в «Ревизоре» всегда Бобчинского играл. Или Добчинского.

«Этот, как обычно, переигрывает»,— только успел подумать корреспондент, как вдруг раздался сильный грохот. В глубине сцены он разглядел уборщицу, стучавшую шваброй в пустое ведро. Это, несомненно, была режиссерская находка: когда звучали слова в поддержку главного героя, уборщица вела себя скромно, а если кто-то выступал против, она демонстративно шумела.

— Потрясательно,— пробормотал Прыголетов.— По сути дела, старушенция выполняет роль греческого хора!

Он не заметил, как увлекся действием. Борьба за справедливость, возглавляемая парнем в комбинезоне, стала ему небезразличной. Он остро переживал каждую реплику, и, когда в итоге прений в

защиту истины поднялся лес рук, корреспондент с трудом поборол желание зааплодировать.

В задумчивости, на ходу меняя убеждения, возвращался он к себе в редакцию...

Вскоре в газете появилась полемическая статья «Ответ снобам», где, отталкиваясь от репетиции пьесы «Повестка дня», Прыголетов выступал поборником теснейшей связи искусства с жизнью. Он с запальчивостью отвечал неким снобам, что пресловутый лозунг искусства для искусства давно и решительно нами осужден. Он смеялся над устаревшими взглядами отдельных троглодитов и обнаруживал живую связь между спектаклями «Лебединое озеро» и «Повестка дня».

Статья убеждала. Она вызвала широкий отклик и на редакционной летучке была отмечена как лучшая.

Только главный режиссер театра, позвонив на следующий день Прыголетову и выразив благодарность за интересную статью и доброе отношение к театру, спросил:

— Но почему вы пишете о репетиции «Повестки дня»? Ведь автор еще даже не передал нам текста.

— Как? — похолодел корреспондент.— Я был в театре в минувший вторник.

— Во вторник? — переспросил главный режиссер.— Во вторник у нас заседала комиссия по трудовым спорам при месткоме.

Зильберенко, этот книголюб

Слава Зильберенко — страстный любитель книг. Он без них просто жить не может. Все его разговоры — о книгах, и дома у него книжные шкафы, полки и стеллажи — главная мебель.

В охоте за книжной новинкой Слава неутомим.

Именно он впервые в покупательской практике нашего города применил раскладушку во время ночного бдения у магазина «Подписные издания», когда распространился слух о полном собрании сочинений Сименона. Очередь он занял в одиннадцать часов вечера накануне, вернее даже не занял ее, а образовал, ибо он был первым, а занимали уже за ним все остальные, такие же энтузиасты. Так они прокукарекали всю ночь (Зильберенко — на раскладушке), и это уже второй вопрос, что слух оказался ложным и никакого полного Сименона нет и быть не может, но, как видите, самопожертвование ради книги было проявлено полностью.

Недавно он налетел на меня, как вихрь:

— Ты достал «Болото на рассвете»?

— Нет,— признался я, чувствуя, что уличен в чем-то постыдном.

— Нет?! — закричал Слава, привлекая внимание прохожих.— Вся страна бегает в поисках «Болота на рассвете» великого Жана-Клода-Фелиса-Марии Шевалье, а он спит, пуская слюнку!

Очень мне стало не по себе. Ослу стало стыдно! Вся страна с упоением читает выдающийся роман, наслаждается и плачет, переживая перипетии жизни немножко нетрезвых, но бесконечно благородных героев, а я...

Бросился я на поиски книги этого самого Фелиса-Марии.

Сразу мне не очень повезло. Все или сами читают, или кому-то отдали почитать. Двух членов общества поклонников печатного слова я просто уличил в служении стяжательскому девизу: «Кто книги почитать дает, тот безнадежный идиот!» А? Каковы интеллектуалы?

Наконец занял очередь у одного знакомого, дождался и вот она, книга, у меня! С трепетом в поджилках открыл, вчитался, погрузился в другой мир.

Завлекательно пишут канальи!

Под большим впечатлением ходил несколько дней и встретил наконец Славу Зильберенко. Как обычно, он несся куда-то, художественная душа, прижав уши, в рассуждении выменять или купить чего-нибудь новенького.

— Слава! — закричал я.— Я прочел! Это да! Это вещь! И ведь не без социальных корней. Это да! В той сцене, когда он, Марсель, тащит Жозефину по бульвару Капуцинов, приняв, как водится, кальвадос...

— Какой кальвадос? — спросил Слава.

— Жозефина, которая любила тюльпаны,— попытался я напомнить Славе содержание.

— Старик, я — пас. Не знаю, о чем ты говоришь.

— Но Марсель, главный герой, когда он выпрыгнул из окна, чтобы пойти и немедленно уничтожить несправедливость или умереть, он пробудил во мне самые высокие чувства. «Так ли ты живешь, друг?» — воскликнул я.

— Не знаю,— сказал Слава,— о чем ты говоришь.

— Я говорю о «Болоте на рассвете» Клода-Марии Шевалье.

— А-а-а! — сказал Слава.— Так бы и излагал. А то компостируешь мозги. Как же! Это такая в коричневом переплете с маленькой веточкой на корешке? Отлично помню!

— К-гм! — искусственно откашлялся я, краснея. Ах, ужас! Я грубо нарушил правила игры современных книголюбов, в кирзовых сапогах ворвался в изысканный салон, заговорил о содержании! Как неловко! — Извини, я страшно спешу, старик! — воскликнул я и побежал по улице, стараясь поскорее раствориться среди прохожих.

— Шевалье — древность, дружище, вчерашний суп! — закричал мне вслед Слава.— Знаешь, что на-

до сегодня? Бобби Зенхауэр «Тюлень из страны Ниоткуда». Настоящая вещь! Даже я достать не могу: вот это произведение!

А я бежал от него, а потом шел по улице, и мне долго было приятно просто идти и видеть, что рядом со мной и навстречу мне идут, улыбаясь, разговаривая о делах дня или даже толкая меня, какие-то другие люди, не похожие на Славу Зильберенко, этого книголюба.

Вот, гвоздиков купил

Виктора Ивановича я встретил на городском рынке возле лавки хозтоваров. Едва увидев меня, он показал мне бумажный сверток и сказал, странно подчеркивая:

— Вот, гвоздиков купил...

— Угу,— ответил я, не зная, что еще сказать, и немедленно перешел к международному положению, так как Виктор Иванович — человек широких интересов и страсть как любит потолковать про разных прочих шведов.

Но мой собеседник посмотрел на меня с тихим огорчением, как смотрит старый учитель на ученика, бойко отвечающего: «Семью семь — сорок семь!» — и повторил настойчиво:

— Вот, гвоздиков купил...

— Да, да, понимаю,— сказал я.— Гвоздики — это огромно! Но что там ни говори, я все-таки считаю, что положение на Африканском континенте...

Мимо как раз проходил один наш общий знакомый, и Виктор Иванович немедленно и его атаковал этой своей навязчивой фразой:

— Вот, гвоздиков купил...

Знакомый, конечно, тоже проявил непонятливость, и Виктор Иванович, нервничая, повторил для

него это сообщение про гвоздики во второй раз, а потом и в третий.

Мне даже пришлось вмешаться:

— Видишь, гвоздиков человек купил. Не каждый день бывает.

Виктор Иванович бросил на меня благодарный взгляд и горячо подхватил:

— Вот, вот. Иду и вижу: продают гвоздики. Дай, думаю, хватану двухдюймовых. Жена просто голову мне переела — когда да когда купишь? Специально отправился в магазин...

Подошла группа приятелей Виктора Ивановича, и он вовсе вдохновился:

— Вот, гвоздиков купил. Двухдюймовых красавцев. Тах, тах, тах — одно удовольствие будет их в доски заколачивать. Жена говорит: «Витя, да когда же ты купишь этих, которые со шляпками?» Вот я и поскакал сегодня на рынок по утряночке...

Он стал варьировать пресловутую тему «которых со шляпками» на все лады, размахивая над головой уже сильно потрепавшимся свертком. Я незаметно отошел в сторонку и с глубокой грустью наблюдал за ним. Такого еще с моими друзьями никогда не случалось! Я все никак не мог решить, надо ли в подобном случае вызывать «скорую помощь» или лучше как-то действовать своими силами? Но тут ко мне подошел один из участников этого шурупно-гвоздильного митинга:

— У-у-ф! — сказал он.— Ну и надоел же Виктор Иванович с этой своей покупкой, спасу нет!

— Говорить так жестоко,— возразил я.— Речь идет о навязчивой идее, и, видимо, надо взывать к врачам.

— К каким врачам! — воскликнул мой собеседник.— К совести надо взывать, к простой человеческой совести!

— То есть? — удивился я.

— Так он же дачу себе строит. Вот и хочет показать всем, что материалы приобретает честным путем. Килограмм гвоздиков строительный прораб в магазине купил и хвастает. Ну не хохма ли?

АНАТОЛИЙ КРАВЦОВ

ПАРОДИИ

Без догляда

Разливают девки смех
полными ушатами...
девки валятся к плечу
с громкими ахами...
нынче девки растут
без догляда!

Владимир Цыбин

Я гуляю у реки
С бойкими девчатами.
Разливаю им стихи
Полными ушатами.
Как сглотнули чан поэм,
Охнули и ахнули
И меня ушатом тем
По макушке трахнули.
А потом смеялись вслед:
— Люди, поглядите-ка,
Видно, вырос наш поэт
Без догляда критики!

Геометрия в быту

Придвинь лимона солнечный овал...
И помолчим.

Тамара Никитина

Привет, сосед! Надеюсь, ты мне рад?
Так лезь же в холодильника квадрат.

Возьми там полушарье холодца,
Овал сардин и конус огурца,
Паштета куб и, ежели мне — друг,
Клади на стол сырокопченой круг.
Открой серванта параллелограмм,
Налей ее, проклятой, по сто грамм...
И помолчим.

Вверх-вниз

...что-то покачнуло
и ввысь подбросило меня.
Летел я — сердце обнимало
весь подпирающий простор...

Николай Мережников

Святое наше ремесло
Большой опасностью чревато.
Меня однажды вознесло,
А после бросило куда-то.
Стал падать я. Но в этот миг
Передо мной простор возник.
— А, Коля! — выдохнул простор
И бережно меня подпер.
Расположение ценя,
Прижался сердцем я к стихии
И написал стихи такие,
Что снова... бросило меня.

Цвета красноречия

Фиолетовые слова...
Голубые следы копыт...

Юрий Каплунов

Полежишь на жаре — слегка
Раскраснеется голова
И запрыгают с языка
Фиолетовые слова.
Сотню слов прихлопнешь губой,
А другая сотня сбежит.

Лишь сверкнут вдали за рекой
Голубые следы копыт.
А потом целый день ты сиз,
А потом целый вечер — синь.
Ну куда занесет каприз
Фиолетовых тех разинь?
Вдруг случится с ними беда —
Пропадут они без следа?
Или, может быть, чей-то стих,
Пожалев, приголубит их?

Гогель-могель

О, мой питатель и поитель,
Мой воспитатель, мой пилитель,
Вздыхатель мой и воздыхатель,
Терзатель мой и отдыхатель!

Римма Казакова

Самоотверженный читатель,
Ты мой поитель и питатель.
А я — твой верный менестрель.
Лишь для тебя моя свирель!
...Но остановимся. Издатель
(Терзатель! Соковыжиматель!)
Отсек фломастером отсель
Весь остальной словарь на «ель».

Се ля ви!

В троллейбусе красивый хам
пытается обнять за плечи.
В такси одной, конечно, легче.
Цена покоя — три рубля.

Нелли Закусина

От наглецов покоя нет!
Об этом заявляю прямо.
Особенно когда вы — дама
И, к сожалению, поэт.
Каких речей дивертисмент!

И каждый — записной оратор.
Нельзя ступить на эскалатор,
Чтоб не услышать комплимент.
То тот, то этот мужичок
Пытается обнять за плечи.
В такси одной, конечно, легче.
Но три рубля — не пятачок.
Вот и вчера красивый хам
Пристал в метро, меня волнуя:
— Один... автограф... дать молю я...
Я развернулась и — как дам!

ГЕРМАН ДРОБИЗ

РАССКАЗЫ

Столб и башня

Роман в письмах

«Уважаемая Останкинская башня!

С горячим приветом к Вам столб со станции Разуваевка Восточной ж. д. Вы, наверное, получаете много писем от таких, как я. Ну, извините. Но я не из любопытства к Вашей популярности, а задать серьезный вопрос.

Но сначала немного о себе. Я простой деревянный столб, работаю в осветительной сети. Освещаю перрон. Работа несложная. Лампочка в пятьсот ватт в жестяном конусе — весь мой инструмент. Станция маленькая: одноэтажное здание, перрон, палисадник с тополями. Жизнь идет от и до. В два часа ночи проходит скорый на Москву, в восемь вечера — скорый из Москвы. Не останавливаются. В семь пятнадцать идет местный, стоянка пять минут. В че-

3 Заказ 152

тырнадцать пятьдесят он же — обратно. В шесть тридцать — рабочий поезд. В восемнадцать сорок он же — обратно. Вот вам и все наше расписание. Но не думайте, что жалуюсь на нашу провинциальную жизнь. Народ у нас хороший, простой, душевный. И люди, и наш брат — столбы. У людей телевизоры, и они благодаря Вам, уважаемая Останкинская башня, чего только не видят. А когда если выпьют по маленькой, любят гулять по перрону и обсуждать, так что и я более-менее в курсе дела.

Но иногда берет тоска, потому что все интересные события происходят где-то далеко-далеко, у Вас в Москве или в других странах. А у нас в Разуваевке ничего не происходит, а было крушение дрезины, но без жертв.

Особенно бывает тоскливо, когда перегорает лампочка и монтер Семенов по два-три дня ее не меняет, а вместо этого в полной темноте возле меня же целуется с девушками. Прижмет ко мне и целует. Еще он любит по вечерам сидеть с приятелями в палисаднике, если тепло — прямо на траве, и дуть пиво. Глядя на него, я удивляюсь: я молодой, и он молодой, но он ни о чем не мечтает и счастлив. Чем же он счастлив, не могу понять. Меня же в такие ночи, когда темно и тихо, разламывает от тоски. Так хочется вырваться и зашагать куда глаза глядят.

И вот возникает вопрос, с которым я и решил обратиться к Вам: могу ли я, простой деревянный столб, когда-нибудь стать таким же известным и популярным, как Вы? Или это вообще невозможно? А если возможно, то что мне делать? Можно ли этого достичь у нас на станции или надо переезжать в Москву?

Напишите мне, если не секрет, с чего Вы начинали, какая у Вас была юность, где учились, кто помогал и так далее. Мы тут о Вас часто спорим.

Некоторые говорят: чтобы стать как Вы, нужен талант. А некоторые считают, только не обижайтесь, что все по блату. Напишите откровенно и не смейтесь над моим письмом, ведь я еще молодой, свежий, недавно ошкуренный. Старые столбы смеются над моими мечтами. А мне их философия противна и ненавистна.

Жду ответа, как темнота света.

С глубоким уважением

неизвестный Вам столб».

«Дорогой столбик!

Прости, что долго не отвечала. Таких писем, как твое, я действительно получаю очень много.

Что тебе посоветовать? Конечно, старые столбы не правы: мечтать надо. Но, мечтая, не забывай, что у тебя и сейчас интересная и в чем-то даже творческая работа. Ты несешь людям свет, а значит — радость и, в каком-то смысле, истину. Подумай, сколько человек благодаря тебе благополучно прошли по перрону, не споткнувшись! Пойми, можно быть счастливым и на перроне скромной периферийной станции, а не только в столице. Но мечтать надо, в этом ты прав.

Прости, что пишу кратко, очень занята: транслирую три программы, на четвертой прохожу профилактику; снимаюсь в фильме, позирую фоторепортерам; принимаю делегацию бельгийцев на смотровой площадке; в ресторане у меня деловые люди из Франции, с минуты на минуту жду японцев и мексиканцев.

С сердечным приветом

твоя башня».

«Уважаемая Останкинская башня!

Ваше письмо получил давно, но стеснялся отвечать из-за Вашей занятости. Но все-таки решил продолжить нашу переписку, если она Вам не надоела.

Вы пишете, сколько у Вас в жизни событий: и

японцы, и профилактика. У меня ничего такого нет. Но Вы, конечно, правильно разъясняете, что моя работа приносит пользу людям. На днях одна девушка торопилась на поезд, уронила кошелек, рассыпала мелочь, но, пользуясь моим освещением, собрала все до единой монетки. Правда, поезд ушел.

Но хочу сказать откровенно: хоть и вижу, что моя работа полезная, счастья от этого почему-то нет. А мечты все больше кажутся несбыточными, и по-прежнему угнетает неподвижность. От меня до станционного здания два десятка шагов, но я никогда не видел и не увижу, что там, за ним, с другой стороны. Может, и ничего особенного, но, когда не видишь, воображаешь удивительное, и от этого снова тоска.

Монтер Семенов женился. Недавно пришел ночью на перрон и стал биться об меня лбом. Но это Вам неинтересно. Вы, может, даже не дочитаете до конца такое длинное и скучное письмо. Но если дочитаете, очень прошу, ответьте. Ваши письма для меня — как голос из того мира, о котором я уже неизвестно зачем мечтаю. Я уже не такой молодой. Высох, побурел, затвердел.

Остаюсь искренне преданный Вам Ваш столб».

«Милый столб!

Прости, опять задержалась с ответом. Много работы и огромная почта. Но твои письма трогают меня. Поверь, я принимаю твою судьбу близко к сердцу. Не хандри, дружок, и не стесняйся писать. Если не отвечу в этом году, то в одном из ближайших — непременно. Извини, мне сейчас позвонили: надо меняться программами с Парижем.

Выше голову!

С наилучшими пожеланиями

твоя башня».

«Уважаемая башня!

Давненько Вам не писал, да и о чем теперь?

Смешно вспоминать глупости, которые я излагал, когда был молодым, и которые Вы поддерживали во мне, советуя бодриться и верить. Когда-то издевался над стариками, над их боязнью покинуть привычное место. Теперь сам в возрасте и понял наконец: ничего хорошего не будет, если все захотят стать знаменитыми и бросятся в столицы. Жизни столько башен не надо. Ей столбы нужны, много столбов. Годы прошли, пока я созрел до этой мысли, и теперь я по-настоящему счастлив. Моя философия проста: жить как можно дольше. Хоть день, да мой.

У нас перемены, хорошие и не очень. Из хороших главное: снесли старое здание и построили красивый стеклянный вокзал. Может, помните, я когда-то жаловался: вот, мол, не вижу, что там, с другой стороны станционного здания. Когда его снесли — наконец увидел. Мусорный бак там стоял. Вот, извините за такую деталь, и все удивительное, о чем я столько лет грезил. Если бы это открылось в молодости, я бы, наверное, раскололся пополам от горя. А сейчас только усмехнулся.

Есть и другие новости, не больно радостные. В нашей осветительной сети появилась молодежь. Это, представьте себе, совсем другие столбы, не деревянные, а бетонные, и даже, как они сами себя называют, предварительно напряженные. Работают они хорошо, ничего не скажу. Но если бы Вы слышали, как они гудят по ночам! Мы так никогда не гудели.

Думаю, этим письмом Вы впервые останетесь довольны: как видите, мои переживания кончились.

С уважением

Ваш столб.

P.S. Монтер Семенов ушел от жены, но далеко на нашей маленькой станции не уйдешь. Снова был ночью у нас на перроне. Бился лбом, но не об меня, а об новый, бетонный».

«Мой милый старый друг!

Каждый раз отвечаю с опозданием. Работы все больше, а ведь я тоже моложе не становлюсь.

Разреши сказать прямо: твое последнее письмо меня огорчило. Да, твои мечты были несбыточны, и если я не писала тебе об этом, когда ты был моложе, то с единственной целью не травмировать юную душу, а вовсе не для того, чтобы обманывать и утешать. Но теперь ты сам осмеиваешь мечты своей юности и заодно — порывы новых поколений. Зачем? Несбывшееся есть у всех, даже у меня. В каждом из нас есть драма, но она не должна превращаться в трагедию или, что еще печальнее, в фарс. Это не совсем мои мысли: пишу под впечатлением беседы старого драматурга, только что выступившего в одной из моих программ. По-моему, он прав. Подумай над этим и не обижайся. За долгие годы заочного знакомства я привязалась к тебе, и мне недостает твоих писем, старый ворчун. Следовательно — пиши, не забывай.

Желаю тебе долгих лет жизни.

Твоя башня».

«Милая Вы моя, дорогая!

Извините за такое развязное обращение — но пишу в последний раз. Хорошо Вам рассуждать, что не все мечты сбываются. Тут большая разница: у Вас не все сбылись, а у меня все не сбылись. Не дай бог, случись что с Вами, об этом узнает весь мир. А то, что случилось со мной, никому, кроме жителей Разуваевки, неизвестно, да и их нисколько не трогает.

Вы спросите: почему такой тон и почему последнее письмо. Да потому, что я, хоть и жив, но уже не существую в своем первоначальном виде. Вы защищаете от меня новые поколения? Я понимаю, молодость права и прочее и прочее, но все это красивые рассуждения, пока дело не коснется Вас

лично. Что я должен думать о молодежи, если сейчас на моем месте стоит железобетонный столб, молодой, предварительно напряженный? Вы спросите: а где я? Отвечу: во дворе у монтера Семенова. Что я там делаю? Как Вам объяснить... Пока лежу. Короче, не буду загадывать загадок, скажу прямо, только не охайте и не ахайте: я распилен на дрова.

В наших краях отопительный сезон начинается рано, в конце сентября. Так что, если ответите до сентября, сделайте в адресе приписку: «двор монтера Семенова, вторая поленница (от забора)». А если будете писать позже... Сами понимаете.

Если бы наша Разуваевка была под Москвой и если бы стояла ясная погода, Вы, может быть, и увидели бы однажды меня, уходящего в небо легким сизым дымком. Но, скорее всего, так и не поняли бы, где среди других дымков именно я, Ваш старый знакомый.

Но Вы этого никогда не увидите. Жизнь кончена. Если и было в ней что-нибудь светлое, то это переписка с Вами.

Прощайте. Навеки Ваш... не знаю, как и подписаться...

«Навеки Ваши дрова» — смешно?

Просто, как всегда:

с наилучшими пожеланиями

Ваш столб».

«Станция Разуваевка Восточной ж д

Связи началом отопительного сезона глубоко скорблю поводу кончины моего старого товарища скромного труженика деревянного столба тчк желаю коллективу станции успехов работе тчк Останкинская башня».

Архимед

У вас работа нервная? У меня — спокойная: я в науке. Сиди, не выскакивай — будет хорошо. Один выскакивал, его — р-раз! И, как огурчик, схрумкали. И слава богу! Снова тихо, снова спокойно. Прихожу домой свежий, как тот огурчик. Первым делом принимаю... чуть-чуть. У нас им пробирки моют. Такая лаборатория: полагается всякую дрянь спиртом промывать. А мы десятый год водой моем — и ничего. Три диссертации защитили. Правда, иногда говорим: «Чего это у нас точки не сходятся?» Это мы графики строим — из точек. Ну, шеф посмотрит, буркнет: «Интерполируйте». По-нормальному, чтоб вам понять, значит: где вам эти точки нужны, там и поставьте.

Ложусь на тахту и задумываюсь. Поскольку у меня на работе голова отдыхает, я ее дома специальными размышлениями нагружаю, чтобы форму не теряла... И задумываюсь: откуда вообще эти любители выскакивать берутся? Кто пример показал?

И тут сын подходит, книжка в руках. «Папа, правда здорово?» — «Что здорово?» — «Архимед».— «Что Архимед?» — «Как он свое открытие сделал. Лежал в ванне, вдруг как выскочит из нее, как закричит: «Эврика!» Это значит — «Открыл!»

Я говорю: «Ты мне с древнего не переводи, еще помню». И вдруг соображаю: выскочил и заорал... Да ведь это он и есть: первый в мире выскочка! С него и началось. Его бы тогда остановить, одернуть... Меня там не было. Я бы ему сказал!

Я бы сказал: «Ты чего кричишь? Чего выскакиваешь? Ну, сделал открытие. А ты его в четырнадцати экземплярах размножил? На отзыв в пять институтов и три министерства послал? Погоди, а диссертацию ты по нему защитил, по этому крику?

Сначала защити, потом кричи. На банкете. «Спасибо руководителю!» — кричи. «За здоровье соавторов!» — кричи.

Кстати, а где твои соавторы?.. Ах, ты там, в ванне, один лежал. Один думал... А кто тебе в нее воду напустил — об этом ты подумал? Правильно, бери начальника горводопровода в соавторы. Емкость эта откуда у тебя взялась? Краны кто поставил? Душ привинтил? Видишь, сколько народу набирается. В науке, дорогой Архимед, в одиночку нельзя. Один открытие делает, другой воду льет. А вместе вы — как сообщающиеся сосуды. Ты сосуд, и он сосуд, и тот сосуд, и этот сосуд, и все вместе науку сосут. Спокойно, без крика. А ты кричишь. Из ванны выскакиваешь. Босой, голый, весь в мыле. Босяк ты, а не ученый.

Нет, я понимаю, вообще-то из ванны выскочить можно. Если ошпаришься. Можно и покричать. Но что-нибудь действительно важное. Например: «Опять холодную воду отключили! Куда смотрит председатель Сиракузского горсовета?» Или: «Жена! Почему дверь хлопнула? Кто к тебе ходит, когда я моюсь?» Это, я понимаю, повод для крика. А у тебя? Вода есть, ванна не протекает, жена не изменяет — чего кричать?

Между прочим, ванна — не место для научной работы. Ты не один. За дверью, может, сосед стоит. С лавровым веником. Тоже попариться хочет. Ах, у тебя соседей нет? Персональная ванна — и это еще в те времена, когда кругом рабство? Знаешь, что я тебе скажу: иди-ка ты в баню. Там работай, там, в народной гуще, выдумывай. Там, если и не выдумаешь, так хоть спинку кому-то потрешь — все польза...

Ах, тебе в ванне удобней? Действительно: поработал, а заодно и помылся.

Слушай... А может, и наших ученых на этот спо-

соб перевести? Архимедовский почин: «Все — в ванну!» Правда, целый институт в ванну не впихнешь. Бассейн нужен. Строим бассейн. Вызываем кандидатов наук. «На старт! Внимание! Марш!» Поплыли. На финише — судьи: открытие сделал? Сделал — выскакивай, кричи «Эврика!», спокойно выжимай плавки. Не сделал? Поплавай еще.

Говорят, человек на плаву может продержаться самое большее двое суток. И то если бревно подвернется. Ну, я думаю, в большом научном коллективе бревно всегда найдется, и не одно. Так что гарантия: каждые двое суток от каждого ученого будем иметь открытие. А куда деваться, если создана такая творческая обстановка: или ты Архимед, или утопленник.

Чувствуешь, какие идеи рожаю, какие «эврики»? Но, заметь, не кричу, не выскакиваю. У нас — наука. У нас коллектив: огурцы в бочке. Выскочишь — обратно не влезешь.

Твое открытие во сколько обошлось? Кубометр воды — две копейки. А в нашу бочку, знаешь, сколько денежек вбухано? Вот о чем кричать надо. А ты о чем кричишь? Так что иди домывайся и больше не шуми. Не пугай человечество, не будоражь коллективы. Архимед...

Зятю будет приятно

Петя Катушкин, работник заводского радио, получил задание составить концерт по заявкам тружеников предприятия с непременным условием: включить в программу песни местных композиторов. Изучив записи, Петя понял, что разговор надо заводить издалека.

— Вы слыхали о таком композиторе — Пурпурском?

— Не доводилось,— честно ответил труженик.

— Но если я скажу, что он хороший... если не композитор, то человек? Какие у вас основания не верить мне?

— Вроде нет таких оснований.

— Значит, Пурпурский, хотя бы по моим словам, внушает вам кое-какую симпатию?

— Пожалуй, начинает внушать.

— Скажем прямее: он вам нравится. Но если вам нравится сам композитор, не станете же вы отрицать, что вам нравятся его песни?

— Поздно отрицать...

— С другой стороны, не может быть, чтобы все песни Пурпурского нравились вам одинаково. Согласитесь, по-настоящему ему удалась только «Зеленая песенка». Или у вас другое мнение?

— Откуда ему взяться?

— Вот и отлично. Включаем в концерт заявку на исполнение вашей любимой «Зеленой песенки».

— Нет,— подумав, сказал труженик.— Зять обидится.

— При чем тут зять?!

— При том, что самой любимой для меня песней является песня «Кирпичики» в исполнении моего зятя после третьей рюмки, за пельменями, которые по субботам стряпает моя старуха.

— Да ведь эта песня безнадежно устарела!

— Да. И она будоражит меня своей безнадежной устарелостью.

— И мелодия примитивная.

— Точно. И она берет меня за душу своей примитивностью.

— А слова?! До чего нелепые слова!

— Нелепее не бывает. Своей небывалой нелепостью они доводят меня до слез.

— Послушайте,— рассердился Петя.— Пусть даже это и впрямь замечательная песня. Но ваш

зять — что он, звезда эстрады? Может, у него абсолютный слух и поставленный голос?

— Голос у него приятный. Примерно как у трамвайных тормозов. Только еще жалобнее. А насчет слуха вы правы: чего нет, того нет.

— Вот видите. А «Зеленую песенку» исполняет лауреат областного конкурса. Если бы вам довелось послушать его хоть раз, вы бы не упрямились.

— Скажите,— спросил труженик,— а доводилось вам слушать моего зятя?

— Нет, конечно.

— Но если я вам скажу, что он хороший... если не певец, то человек? Какие у вас основания не верить мне?

— Допустим, нет таких оснований.

— Значит,— задумался труженик,— что же получается? Мой зять вроде бы внушает вам кое-какие симпатии? Скажем прямее: он вам нравится. Но если вам нравится мой зять, не станете же вы отрицать, что вам нравятся его песни?

— Поздно отрицать,— ответил Петя.

— С другой стороны, не может быть, чтобы вам все его песни нравились одинаково. По-настоящему ему только «Кирпичики» и удаются. Или у вас другое мнение?

— Откуда ему взяться?

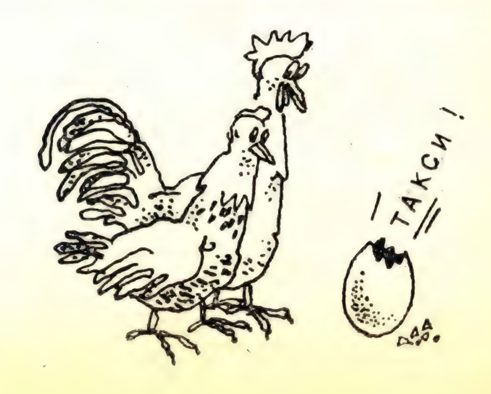
— Вот и отлично. Включайте в концерт вашу заявку на исполнение своей любимой песни «Кирпичики».

— Мою?! А вы как же?

— А я тоже послушаю,— скромно сказал труженик.— И зятю будет приятно.

В. АРК

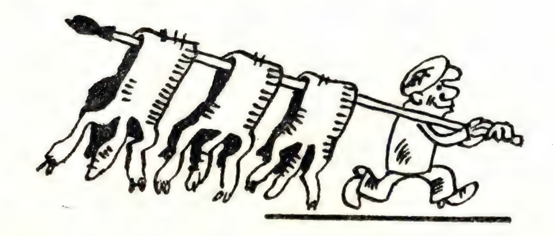

НЕПЛОХО БЫ ОТРЕМОНТИРОВАТЬ КВАРТИРУ

!!!

С-К-О-Л-Ь-К-О?

ВАЛЕРИЙ КОРШИК

ФЕЛЬЕТОН

Вид с брюшка

Плотно поужинав после трудового дня, от нечего делать интеллигент К. забирается рукой под ванну и осторожно извлекает оттуда пальчиками насекомое, именуемое в просторечии мокрицей.

— Ну-с, милочка,— говорит интеллигент скрипучим басом,— будем вас исследовать: что есть вы и почему проживаете в нашей квартире? Извольте не дрыгать ножками!

И к ножкам уже прилипла деревянная ученическая линейка.

— Тэк-с, ширина 2 миллиметра, длина 1,5 сантиметра.

Потом, отточив тонко карандаш, человек вспоминает со студенческих лет забытый предмет черчение и рисует не без изящества «вид со спинки» и «вид с брюшка». Затем чернилами делаются пояснительные сноски: головка, хвостик, спинка серые, брюшко белое. Каллиграфическим почерком, чуть ниже вида с брюшка, на лощеную бумагу ложатся слова:

«В редакцию... Мы живем на четвертом этаже, и вот у нас поселились такие существа. Смотри рисунок № 1 и 2. Появляются они по ночам или днем, когда в ванной темно. При включении света быстро разбегаются. Такие существа, видимо, живут и в других квартирах. Любопытно знать: для чего, то есть как с ними бороться?»

— Очень просто, роднуля. Обработай ванную комнату ядовитым препаратом хлорофос.

Но не ответишь так интеллигенту К., потому что сильно ранишь человека скрытой иронией. «Вы думаете, я не знаю, что нужен хлорофос. Я ставлю вопрос не индивидуально, а общественно, чтобы другим тоже мокрицы не мешали жить. У меня на этот счет свое принципиальное мнение, свой взгляд».

Да, вглянуть на предмет забот можно по-разному, особенно когда свободное время есть, когда в театр не тянет, потому что с детства там не был, и читать нечего: на машину книжные деньги копятся. В такие минуты, глядя на луну, хочется что-нибудь этакое важное сделать. Скажем, поставить перед обществом проблему заботы о беспризорных голубях:

«Уважаемый председатель горисполкома. Я очень люблю птиц. Вообще всех, кто хочет есть и не может достать пищу. Особенно голубей. Это очень мирная птица, абсолютно ни в чем не полезная, кроме того, что красивая и много ест, то есть прожорливая. Их столько развелось, что скоро ходить по ним будем. Почему все так равнодушно проходят мимо голубей, чуть ли не наступая на них? У меня, например, сердце кровью обливается, когда я иду мимо стаи. Я их кормлю, но ведь это капля в море. Вот мы с мужем ездили летом в Саратов — там нет голубей. Там их всех истребили, то есть изловили, и сейчас во всех ресторанах можно получить блюдо из голубя. Почему бы в нашем городе так не сделать!»

Как так? Кормить голубей централизованно или в ресторанах ими кормиться?

А каким языком объяснить, что жаловаться на огородного крота в милицию просто неловко?

Но письмо пришло:

«Уважаемый начальник милиции. На первый взгляд это покажется смешным, но нас буквально

замучил крот. Вот уже несколько лет грызун портит в огороде корнеплоды: картошку и другие овощи. И никак его невозможно поймать. То в одном конце огорода напортит, то в другом. Издевается просто над людьми. Как с ним покончить? Помогите, если это возможно».

Милиция, если, конечно, возьмется, изловит крота. Но сами-то вы, граждане, на что? Неужели мать-природа дала вам две руки, две ноги и одну голову только для того, чтобы писать и возмущаться?

Но сильно развилась у обывателя потребительская тенденция. Вместо того чтобы самому сделать что-то, он вооружается пером и бумагой, залезает рукой под ванну и осторожно извлекает оттуда пальчиком насекомое, именуемое в просторечии мокрицей:

— Ну-с, милочка, извольте не дрыгать ножками...

ОЛЕГ РУДИН

КАЛАМБУРЫ

Его слабость

— Ворует Нил товар со склада.
— Что ж делать? Он такого склада.

Из географии

Есть берега у рек, истоки,
Есть устье, русло, дно и стоки...

4 Заказ 152

Весьма кстати

Монтер чинить зашел проводку,
А разговор завел про водку.

Заяц-хвастун

Волки серы,
сер и я.
Значит — та же серия.

Критика в джунглях

«Разносу» кобра подлежала.
Но звери сникли
подле жала.

Где собака зарыта

Лаяться Фрол стал подобно овчарке.
— В чем же тут дело, скажите?
— А в чарке.

Мелочь жизни

Не церемонился со сдачей,
Теперь — с ковром,
с машиной,
с дачей...

МИХАИЛ НЕМЧЕНКО

РАССКАЗЫ

Рацпредложение

Перед самой командировкой старшему мастеру Хлебцеву на оперативке мылили шею.

— ...А теперь посмотрим, что творится в туалетах и бытовках,— с новым напором возвысил свой баритон начальник цеха, после того как были нанесены удары по ведущим цеховым недостаткам.— А творится там, товарищи, черное дело: несознательные элементы систематически вывинчивают бытовую технику для личных целей. Вот, полюбуйтесь.— Он жестом обличителя потряс перед собой листком бумаги.— В феврале вывинчено кранов, смесителей и прочего на 93 рубля. А в марте — уже на 112 рублей 30 копеек. Отвечающий же за данное оборудование старший мастер Хлебцев не ведет никакой борьбы...

— Что же мне, засады в туалете устраивать? — подал голос Хлебцев.

— Усиливай воспитательную работу! — вскипел начальник.— Общественность на дыбы поднимай! Учти, Хлебцев: чикаться с тобой не будем. Вплоть до ампутации премии!..

После этого Хлебцев две недели выбивал в Новокузнецке нержавейку, а сейчас вот, вернувшись из командировки, сразу вспомнил о нависшей ампутации. «Первым делом — в стенгазету...— соображал он, усаживаясь за свой стол.— «Мелкое выносительство — буржуазно-феодальный пережиток». Или нет, лучше так: «Вывинчиванию помывочной техники — крепкий заслон!..»

Тут дверь открылась и в комнате возник бригадир сантехников Темячкин.

«Сейчас оглоушит...» — завибрировало у Хлебцева где-то в самой середке.

— Ну... сколько? — нетерпеливо потребовал он.

— Ни одного.

— Не осталось?! — ужаснулся Хлебцев.— Все краны до одного?! Да нас же с тобой за это...

— Наградят, Борис Палыч,— с улыбкой заверил Темячкин.— Как обеспечивших крутой перелом. Я же говорю: ни одного выноса, вот уж целую декаду.

И видя, что начальник не верит ни единому слову, бригадир приладил свой плотненький торс к стулу и принялся рассказывать:

— Помнишь, Борис Палыч, после той оперативки зашли мы с тобой в умывалку. Ну и ты, значит, припечатал всю эту ситуацию фольклором, да в сердцах и тюкнул гаечным ключом по смесителю. Ну и погнул малость рожок-то... Прихожу наутро: все подчистую вывинчено, а этот, погнутый, целехонек. Тут меня, понимаешь, и осенило. Будто сваркой высветило... Моменталом запер умывалку да весь инвентарь и обработал. Которое погнул, по которому напильником да наждаком прошелся, чтобы, значит, хром содрать. А потом парням своим объяснил задачу — и они все остальные разборные точки — тем же манером... И поверишь, Борис Павлыч, с того дня — как отрезало! Спутали мы им все карты. Функционировать функционирует, а внешнего облика никакого нету. Ну и, значит, не позаришься. В общем, я так понимаю: рацпредложение нам надо подавать. Это ж верная тыщонка годовой экономии!..

— Тыщонка,— хмыкнул Хлебцев, загоревшимися глазами разглядывая бригадира.— Эх, Темячкин, Темячкин, мелко, брат, плаваешь! Да ты хоть по-

нимаешь, какую мы с тобой золотоносную жилу... Посчитай-ка, сколько на заводе цехов! А если в масштабах области!.. А если...— От захватывающих дух перспектив Хлебцев даже привстал со стула.— Если не замыкаться в узких рамках помывочного оборудования?! Скажем, взять все электролампочки в общественных местах — да и сбрызнуть нитрокраской. Ведь это же, Темячкин, миллионы!.. Ну вот что, бригадирушка, придвигайся поближе, займемся рацпредложением. Значит, так, пиши: «Об улучшении сохранности техники коллективного пользования путем воздействия на внешний облик последней». Только закрой-ка сперва дверь на ключ. А то как бы нашу с тобой идею того... не вывинтили...

Хищница

И когда только за этих хищниц возьмутся? Ну прямо житья от них не стало...

Как пошел матери семидесятый — стала я призадумываться. Сами понимаете: старушка одна в двухкомнатной квартире, случись что — локти ведь потом будем кусать... Думала я, думала — и говорю мужу:

— Давай временно разведемся, чтобы мне к маме прописаться. А после обратно в загс сходим. Ведь случись что — локти будем кусать. Такая квартирка — и полнометражная, и с телефоном...

Ну муж у меня, откровенно скажу, глуповат.

— А нельзя ли,— говорит,— без выкрутас?

Я ему терпеливо объясняю:

— Без выкрутас, конечно, можно. Съехаться — всего и делов. Но ты же знаешь, что мама тебя не переваривает. И, между нами говоря, я ее вполне понимаю. Потому и предлагаю данный вариант,

— И не надейся! — кричит.— Мне эти фокусы с разводом морально отвратительны, не говоря уже об уплате пошлины.

— А о Наташке,— спрашиваю,— ты подумал? Девятый вон уже кончает, а мальчиками и не пахнет. Да какие тут мальчики, когда нос пятаком — вся в папочку.

Завздыхал он.

— Да, может,— говорит,— еще выправится.

— Может, выправится, а может, и нет. Не исключено, что век одной вековать, так пусть хоть в улучшенных жилищных условиях.

В общем, долго ли, коротко ли — своротила эту глыбищу. Развели нас, переехала я с дочкой к маме, и так мне там показалось привольно да просторно — ну прямо будто вся жизнь враз стала полнометражная.

Проанализировала себя в зеркале и вижу: вполне еще даже ничего. «Как знать,— думаю,— может, и ждет тебя, Клавдия, какая-нибудь светлая неожиданность...»

А этот уже тут как тут.

— Ну, когда обратно в загс-то?

Я говорю:

— Ты что, хочешь, чтоб мы с тобой прямиком в фельетон загремели, как жилищные хищники? Нет уж, мил друг, о загсе речь может идти только после разумного интервала.

— Ну ходить-то хоть можно?

— Ходи,— говорю,— что за вопрос. Только не забывай, что у мамы от одного твоего вида давление подскакивает. Вот ты и выбирай время, когда она в садике со старушками сидит, тогда и ходи.

Надул он тут губы, хрястнул дверью, и давай мою нервную систему испытывать. Неделю не показывается, вторую не показывается... «Ладно,— думаю,— посмотрим, что через месяц запоешь. Ваш

брат на меня, между прочим, вполне еще даже поглядывает».

Но, в общем, прошел месяц, и стала я призадумываться. «Нет,— размышляю,— как ни говори, а первое чувство все же самое прочное». Сделала завивку, поработала над собой — и к мужу.

Стучу. Открывает — и вижу: смутился. Аж зарделся весь. И так он мне вдруг понравился, смущенный,— ну прямо как на первом свиданье.

— Ну, здравствуй,— говорю,— старикашечка-таракашечка,— и целую его в щечку.

А он еще больше краснеет, и чувствую — потихоньку пятится. И в этот самый момент выходит из комнаты мадам. Такая из себя белокуренькая, в очках и, представьте, в домашнем халатике,— ну типичная хищница.

— Это что за музкомедия? — спрашиваю.— Я с такой нелепостью еще не соприкасалась, чтобы в моем дому очкастые змеи в халатиках разгуливали!

А она щурится через очки и заявляет:

— Между прочим, ваш дом — по другому адресу.— С этими словами снимает свои фары и быстренько кладет в карманчик.

Только не угадала: я не за фары, я ее за волосья — цоп!

Муж кричит:

— Не трожь, Клавдия, мы с ней расписанные!

Ну тут подключились они в четыре руки,— и когда только успели сработаться? А дальше и рассказывать неинтересно...

Вот я и спрашиваю: когда наконец за этих хищниц возьмутся?

ВЛАДИМИР СИБИРЕВ

ЭПИГРАММЫ

Суперджинсы

Вот это джинсы!
Даже боги
Не могут о таких мечтать!
Как будто кто-то
По дороге
В них на коленках
Полз верст пять...

Обыватель

Беда не в том,
Что он сверх меры сыт,
А в том, что, набирая в весе,
Там, где другой испытывает стыд,
Он преисполнен
Важности и спеси.

«Профессионал»

Напечатав два десятка строф,
Он сказал заводу:
— Будь здоров.
Пишущей машинкой обзавелся,
Стричься перестал,
С женой развелся,
Чтобы всяк и без сомнений знал:
Он отныне профессионал.
Тут ему засесть бы за поэму,
Да не знает, на какую тему.

Новый цикл бы выдать на-гора,
Да вернули старый лишь вчера.
...Скоро станет у него занятьем
Предавать издательства проклятьям.

МАРК ШВАРЦ

РАССКАЗЫ

Справедливости ради

Инженер Глеб Петрович Мышкин из Ленинграда и молоденькая учительница Алла Сергеевна из Омска оказались соседями по сочинскому пляжу. Они были знакомы всего два дня, но Мышкин уже знал, что у Аллы Сергеевны кроме безукоризненно стройных ног есть еще где-то военнослужащий муж, отличник боевой и политической подготовки. В свою очередь Мышкин успел поведать учительнице о шестилетнем сыне-вундеркинде.

Утомленное солнце уже собиралось приводняться в заданном районе акватории Черного моря, когда инженер и педагог одновременно заметили на горизонте крошечную темную точку. Вскоре уже весь пляж следил за медленным приближением неопознанного предмета. Даже многое повидавший в жизни матрос-спасатель, прервав созерцание особ прекрасного пола, развернул свой шестнадцатикратный бинокль в сторону моря и приник к окулярам.

— Во дает! — восхищенно воскликнул он.— Во дает, подлец! Ну, пусть только выплывет, оштрафую по полной форме!

Слух о неизвестном пловце мирового класса мгновенно облетел пляж. Судили, рядили, вспоминали звучные фамилии рекордсменов. А тем време-

нем уже и без бинокля можно было разглядеть розовую шапочку человека, плывущего к берегу по-собачьи. Вот человек встал на ноги, трудно вышел из воды, и все увидели, что это женщина, возраст которой уже перевалил за ту критическую отметку, после которой определить его практически невозможно.

Женщина сняла шапочку, мокрые седые пряди упали на шею, и Глеб Петрович громко ахнул от удивления: в мокрой женщине он узнал свою соседку по ленинградской квартире старуху Кошкину, пенсионерку.

Окинув пляж дальнозорким старческим взглядом, пенсионерка Кошкина по-деловому направилась прямо к Глебу Петровичу.

— Здравствуй, милок,— сказала она.

— Здравствуйте, Василиса Егоровна. Откуда?

— Из Ленинграду.

— Как?!

— А так. Морями да окиянами. Вокруг Европы. Круизом.

Люди вокруг оживленно зашумели:

— Ай да бабуся! Неслыханно! Ведь это же мировой рекорд!

— Да полноте, рекорд! — отмахнулась старуха Кошкина.— Пустое. Разве что в Северной Атлантике поштормило малость, да еще подле самого Гибралтару какая-то акула мирового империализма привязалась, подкусить меня думала. Ну, ничего. Не на такую напала! Я с нее быстро спесь-то сбила: так ей нос ободрала, век меня помнить будет!

— Так ведь можно же было поездом! Самолетом, наконец!

— Э-э-э, милок, да разве в разгар сезону билет достанешь? Да и денег жаль... А дело срочное. Важное дело! Вот и не вытерпела душа. Переплыла окиян ради торжества справедливости...

— А что? Что случилось? — встревожился Мышкин.

— Неудобно при людях... Ну да ладно, они свои... Ты только не волнуйся, милок,— голос старухи Кошкиной зазвучал торжественно: — Жена твоя, Нина, неверна тебе стала. Так-то... Самолично видела.

— Не может быть,— обмяк Мышкин.

— Может,— подтвердила пенсионерка.— Очень даже может! Как ты уехал, повадился к ней какой-то козел. Бородка клинышком, из себя гладкий, мастью серый. С портфелем пупырчатым. Приходит вечером, уходит утром. Вот и решила я: дай, думаю, упрежу. Глаза-то раскрою! Не чужая, чай...

— Да что вы такое говорите, Василиса Егоровна! — взорвался инженер.— Бородка клинышком, из себя серый? Так это же ее брат Николай из Вологды приехал!

Наступила длинная пауза. С моря повеяло прохладой.

— Брат-то двоюродный? — с надеждой спросила старуха Кошкина.

— Родной. Он давно к нам в командировку собирался.

Пенсионерка обиженно поджала губы:

— Что же это? Выходит, я зря окиян переплыла?

Мышкин развел руками.

— Ладно,— сказал он, — не расстраивайтесь. Завтра же достану билет и отправлю вас домой с комфортом.

— И что это ты, милок, сразу же меня домой выпроваживаешь? — подозрительно спросила старуха и покосилась на Аллу Сергеевну.— А эта цесарка кем тебе доводится?

— Так... просто знакомая...— смешался Мышкин.

— Понятно! — оживилась пенсионерка.— И давно знакомы-то?

— Недавно... Третий день.

— Ну, я, пожалуй, пойду,— Кошкина поспешно напялила резиновую шапочку и зашагала к воде.

— Постойте, — заволновался инженер.— Вы что, обратно поплывете? Это же безумие!..

— Некогда мне тут с вами рассиживаться! — сурово осадила его старуха.— Дело у меня в Ленинграде. Срочное! Поспешать надобно.— И, глубоко вздохнув, она бросилась в морскую пучину.

Вскоре черная точка растаяла в фиолетовой дымке у горизонта.

Информационный голод

С некоторых пор заметил я за собой странную болезнь. Вроде бы точит меня постоянный голод. Но не в смысле желудка, упаси бог, а в смысле печатной продукции. Достаточно мне хоть на миг остаться наедине с собой, как сразу же скучно делается до невозможности, а глаза начинают бегать в поисках печатного слова: что бы еще такое прочесть? И я уверен, что если в такой момент запереть меня в пустой комнате, так я над собой обязательно что-нибудь сделаю! Иной раз так прихватит, что срываешься с рабочего места и мчишься как угорелый до ближайшего газетного киоска. Разворачиваешь газету дрожащими руками: ну как там, в Зимбабве? Или с лохнесским чудовищем как? Начинаешь читать, и вроде сразу отпускает. Вроде сразу облегчение наступает. Вот такие симптомы. К врачу не пойдешь.

Пожаловался я как-то своему приятелю Петьке Медякову, так он меня чуть не на смех поднял:

 — Не у одного тебя,— говорит,— такое творит-

ся. У меня тоже. И пора бы знать, что называется это по-научному «информационный голод». И ничего зазорного в этой болезни нет, потому что терзает она только культурных и начитанных людей второй половины двадцатого века. Информация — она вроде бы как вода. В любую дырку устремляется. Где пусто — то и заполняет. А потому не жмись втуне, как мещанин, а раскройся весь навстречу информационному потоку и впитывай его, впитывай каждой порой, каждым нейроном: благо их у тебя хватит. Вон какой вымахал!

Ладно, думаю, только мне от твоего объяснения ничуть не легче стало. Гложет, да и только. То ли я информацию, то ли она меня. Словом, кто кого. А главное — аппетит приходит во время еды. Такая жадность проснулась до печатного слова, что солидного еженедельника мне уже едва хватает на каких-то пятнадцать — двадцать минут, а что потом будет, я уже и не знаю. Единственное спасение — это беллетристика. Особенно толстая беллетристика. Сколько я книг за последние годы прочел — это подсчитать невозможно! Потому что читаю повсюду и при любой возможности: в метро, в очереди за ананасами, на рабочем месте, на отчетно-перевыборном собрании, в постели, а также, извините, в туалете. Зрение вконец испортил. Ношу очки. И все мало!

На днях вскакиваю утром, как будто по голове обухом ударили. Стою перед женой, хлопаю глазами, а она с каким-то жалобным отчаянием спрашивает:

— Ну чего тебе еще-то надо? Что ты все ищешь? — и глаза у нее при этом мокрые от слез, и держит она в дрожащих, нервных руках толстенное печатное издание — «Справочник телефонной сети» — и норовит еще раз ударить меня им по голове.— Отвечай, подлец, чей это телефон ты искал до двух ночи?!

— Какой еще телефон? — удивляюсь я, а в голове так и гудит то ли от прочитанного, то ли от ударенного.— Какой телефон? Я думал — это роман...

— Ах, роман! — вскипает жена и в сердцах так швыряет справочник на пол, что, кажется, в нем уже совсем не останется пыли.

— Не порть книгу,— сурово говорю я.— Она содержательная. Правда, персонаж пересыщен, но, в общем, вполне актуально.

— Идиот! — страшным голосом кричит жена.— Тебе уже все равно, что читать! Книги проходят через тебя, как овес сквозь лошадь! С тобой не о чем говорить. Ты опустился. Ты отупел от чтения! — она разражается слезами.— Я не могу больше так жить, Михаил!.. Я ухожу!..

Мне жалко ее.

— Маша,— говорю я.— У кого-то из классиков... Точно не припомню... Да и название позабыл... Так там одна замужняя женщина тоже ушла от мужа к одному офицеру... Как же его звали?.. Не припомню... Вроде бы Вроцкий... Так вот, ушла она к этому самому Вроцкому, и они вдвоем уехали за границу. В Зимбабве, кажется. Только все равно не было ей в жизни счастья, и она, эта бедная женщина, бросилась то ли в озеро Лох-Несс, то ли под скорый поезд. Это ужасно, Маша! Не уходи от меня, пожалуйста!

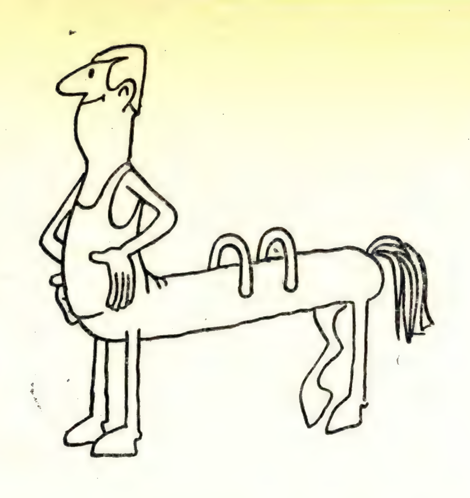
Вдруг заплаканная жена обвивает мою шею руками и шепчет:

— Бедненький мой! Прости меня, глупую... Читай себе, родненький, на здоровье, что хочешь. Я ведь знаю: ты затем читаешь, чтобы самому не думать. Потому что, если ты начнешь задумываться, это будет намного хуже!

СТАНИСЛАВ АШМАРИН

–ВЫ ЧТО-ТО СКАЗАЛИ?

5 Заказ 152

- ОПЯТЬ ПОТЕРЯЛ КЛЮЧИ?

ВАСИЛИЙ ХОРОШИЛЬЦЕВ

ЭПИГРАММЫ

Точка зрения

На парящего орла подняв глаза,
Воробьихе воробей сказал:
— Про орла пустые ходят слухи,
Мол, велик... А он не больше
мухи.

Помогла

Снежное расплавив одеяло,
Обнажила каждый куст весна.
И теперь в колхозе легче стало
Отыскать, где плуг, где борона...

Управы нет!

На кухне нового детсада
Для облегчения труда
Все предусмотрено, что надо:
Есть газ природный, есть вода,
Зимой тепло, прохладно летом,
Хороший днем и ночью свет...
Один изъян на кухне этой —
На грызунов управы нет!

БОРИС МАТЮНИН

РАССКАЗЫ

Председатель выходит на уровень...

Конструктора Сапожникова избрали председателем месткома. И вот сейчас он сидел у себя за столом и не знал, хорошо это или плохо.

Позвонил Сергей Иванович и пригласил Сапожникова на беседу. Войдя в большой кабинет, новый общественный деятель так съежился, что почувствовал, каким свободным стал на нем вчера еще тесный костюм. Сергей Иванович указал жестом на стул:

— Присаживайтесь, пожалуйста! Итак, Сапожников, поздравляю! Теперь, дорогой, ты — председатель нашего месткома. Таково, так сказать, мнение коллектива. Я ценю твою природную скромность, и, несмотря на это, мне все же хотелось бы дать тебе некоторые товарищеские советы. Работая с людьми, ты должен... понимаешь, быть увереннее, уметь требовать. Словом, быть председателем на уровне! Я тебя специально пригласил, чтобы провести с тобой небольшую репетицию. Представь на некоторое время, что я не начальник, а просто... отвлеченное лицо. Охарактеризуй мою работу с производственной стороны... Давай, Сапожников!

— Я... гм... то есть вы... нет... то, что вы делаете... Не могу! Не могу я!

Сергей Иванович испытующе смотрел на Сапожникова:

— Смелей, смелей! Главное, не стесняйся! Всякие там сентименты — в сторону!

 — Я... это... про вашу работу... могу... не могу...

— Да что же ты, Сапожников! Тверже голос! Смотри собеседнику прямо в глаза!

— Мм... в целом... ваша работа... выглядит очень хорошо... и... э...

— Не захваливай! Это может показаться неправдоподобным! Немного критики!

— Хотя... в целом, конечно, ваша работа и выглядит неплохо, но... однако, например, в принесенном мною вчера проекте... вы не заметили... м... грубой ошибки...

— Молодчина, Сапожников! Вот это другое дело! Продолжай!.. А впрочем, насчет ошибки... Неужели не заметил? Странно...

— Нисколько не странно, Сергей Иванович...

— Отлично, Сапожников, отлично! Неплохо бы еще поострее!

— Последнее время вы часто не замечаете такого рода ошибок... Вы их просто не можете заметить!

— Что?

— Да что там говорить! В своих указаниях вы выглядите просто невеждой!

— Но, но! Нельзя слишком увлекаться! Такие обороты не всегда имеют успех!

— Почему не имеют успеха? Это все знают! Как специалист вы полностью деградировали! Всю работу за вас выполняют другие! Не пытайтесь улыбаться! Все знают, что ваши театральные способности намного выше технических!

— Послушай, Сапожников! Если во взаимоотношениях с подчиненными я допускаю демократию...

— Демократия! Ха-ха! Кто в этом году получил лучшую путевку в санаторий? А? Кто же, интересно?! Вы! Конечно, вы! Для демократии представили справочку, по которой должны были скончаться еще два года назад! А эти ваши великодержавные

замашки! Когда захотел — тогда ушел, когда захотел — тогда пришел! Не понравился — уволил! Нет! Этому решительно надо положить конец! Встретимся в месткоме!

И Сапожников вышел, резко стукнув дверью.

При всех знаках

Шагал и шагал я по знакомой загородной дороге и вдруг увидел дорожных строителей, копающихся у асфальтирующего катка. «Ну, слава богу, наши строители не спят!» — тепло подумал я.

Но тут я заметил, что подготовленная для асфальтирования дорога испещрена трещинами и выбоинами.

— Извините, пожалуйста, вы, наверное, бригадир? — обратился я к мужчине в спецовке.

— Я. А что вас интересует?

— Мне кажется, что вы покрываете асфальтом неровную дорогу, а это будет не совсем удобно для водителей, — начал я.

Он хмыкнул и сказал:

— Молодой человек, у вас права на управление машиной есть?

— Нет, — опешил я.— А почему, собственно говоря, вы задаете мне этот вопрос?

— А потому, что вы, видимо, совершенно не знакомы с правилами дорожного движения, и, в частности, с предупреждающими дорожными знаками.

— Не понял.

— Объясняю. В системе дорожных указателей предусмотрен знак «Неровная дорога». Мол, так и так, осторожно, водитель, впереди дорога, как у нас. Этот знак после сдачи дороги будет своевременно поставлен здесь работниками ГАИ. Ясно?

 — Ясно... Между прочим,— указал я рукой впе-

ред,— прямо за тем поворотом дороги — обрыв. Не зная этого, на большой скорости наверняка не успеешь затормозить и сыграешь на дно обрыва. Может, разумней было проложить трассу прямо?

— Видите ли, дело в том, что нам платят за километры. Кроме того, на этот случай поставят знак «Опасный поворот».

Но я уже разошелся:

— Посмотрите! Рабочие асфальтируют не всю проезжую часть дороги. А если незалитый гравий попадает под колеса машины, то она начинает обстреливать камнем едущих позади...

— Действительно, вы правы. Но мы выходим из положения указателем «Выброс гравия».

— И потом, думается, на такой дороге не наберешь нормальную скорость.

— И зачем торопиться? Есть специальный знак с красным ободком — «Ограничение скорости».

Я увидел, как черная жижа медленно заливает несколько булыжников посреди дороги.

— Но даже при наличии всех предложенных вами указателей машину, очевидно, смогут вести только асы!

— Ну, что же. Пойдем навстречу рядовому водителю — поставим знак «Автомобильное движение запрещено».

Эх, Вера!

С нескрываемым интересом она несколько секунд оглядывала мою фигуру. Я тоже бросил взгляд на ее строгий синий костюм, плотно облегающий тело, на знакомый пояс с пряжкой и подумал: «Опять ты на моем пути! Неужели все сначала!.. Нехорошо, Вера, нехорошо... Ведь меня ждут жена, дети... А если узнают...» От одной этой мысли тяго-

стно заныло сердце. Я упорно не желал раздеваться, но она буквально силой заставила меня скинуть пальто. Я с мольбой посмотрел в ее глаза, и с моих губ сорвалось: «Эх, Вера!.. Зачем все это!.. Не нужно, отпусти меня, пожалуйста... Не хочу больше дома скандалов...»

Хотел энергично шагнуть домой, но она остановила жестом и попросила снять пиджак. Стараясь не выдать охватившее меня волнение, я медленно расстегнул пуговицы пиджака... и неожиданно она ступила ко мне, широко раскинув руки. Через мгновенье я почувствовал на спине ее нервно танцующие пальцы. «Все одно пропал! — сказал я себе, отстранил ее ладони и вяло бросил: «Не надо, Вера, не надо... Уж лучше я сам»,— после чего поставил на стол пару бутылок марочного портвейна и присел на стул. Она с облегчением улыбнулась, подняла трубку телефона, который находился тут же, в проходной винного завода, и вызвала администрацию.

ВЛАДИМИР ПЕЧЕНКИН

РАССКАЗ

Общество трезвости

Энтузиасты есть везде. В каждом населенном пункте, наверное. Вот и в Старогуляйске один такой объявился. С виду обыкновенный токарь по фамилии Нелепский. В годах мужик. Пора бы, кажись, остепениться. А ему, видите ли, взбрела в голову идея создать в городе общество трезвости.

Нет, конечно, с пьянством надлежит бороться. Есть соответствующие на то указания. Вот и давай

борись в свете решений, как все нормальные люди. Ну, заметку там в городскую газету тисни: мол, я совершенно непьющий, чего и другим желаю. Кто знает, может, и напечатают в разделе «Чудеса живой природы». Глядишь, известность в пределах города, в президиумы избирать начнут.

Так ведь нет, ему зачем-то понадобилось именно общество создавать. Вроде как для положительного примера. Но ведь сверху никакого такого указания не поступало!

Соответствующие товарищи так Нелепскому и объяснили. Думали, поймет человек, осознает. А он не осознал. Он все-таки вопреки здравому смыслу создал это самое общество трезвости. Ладно. Послали туда одного инструктора по алкоголикам. Поглядеть, чего там происходит. Оказалось, трезвенников в Старогуляйске довольно много, десятка три, вот никогда уж не думали! Представьте: пьют чай из самовара, печеньем закусывают. Вместо объяснений, кто кого уважает, беседуют на разные научные темы, стихи поэтов читают.

Не успели сообразить, что с ними, с трезвыми, делать, как вдруг из области запрос: срочно осветите, что там у вас за общество трезвости, чья инициатива! Тотчас написали покаянный ответ: «...вышеуказанный факт действительно имел место, недоглядели, примем срочные меры...»

Не успели отослать ответ — в областной газете большая статья, называется «Ценный почин старогуляйцев». Вот те на!

Написали новый ответ в таком духе: мы, дескать, об этом обществе всю жизнь мечтали, и вот в итоге наших повседневных усилий мечта осуществилась. Но мы не успокоимся на достигнутом! В течение ближайшего квартала обязуемся довести количество членов общества до ста человек. Но и это не предел... И так далее.

У руководителей города Старогуляйска слово с делом не расходится. Вызвали этого, как его, Нелепского. Одобрили, ободрили. Обещали всемерную поддержку и плюс новый самовар с дарственной надписью. И пока Нелепский изумлялся такому их преображению, вручили ему плановое задание: расширить общество трезвости до двухсот человек на первый случай, а к концу отчетного года — до тысячи. От обильных нежданных похвал бедный Нелепский вспотел, выпил из графина воды и наконец произнес:

— Как же расширить? Мы никого не вовлекаем, непьющие сами к нам идут посидеть, поговорить, пообщаться...

— А теперь вы просто обязаны проводить широкую массовую работу по вовлечению! Не беспокойтесь: поможем. Вместе с вами будет трудиться наш инструктор. Вот бланки отчетности, ежемесячно сообщайте рост количества членов.

Прикрепленный инструктор оказался молодым, но талантливым организатором. Он сразу взял дело в свои руки. И с ходу предложил принимать в общество не только вовсе не пьющих, но также и умеренно употребляющих. А поскольку каждый пьющий убежден, что пьет он нормально, как все, то к концу года план по вовлечению успешно перевыполнился...

Нелепский пытался возражать против новшеств, приводил разные доводы. Мол, нехорошо, когда граждане, возвращаясь домой с заседания общества трезвости, попадают в вытрезвитель. Нелепского вызвали, провели с ним воспитательную работу. К сожалению, не помогло. Тогда инструктор поставил вопрос ребром о возможности дальнейшего пребывания Нелепского в рядах общества и на собрании сказал так:

 — Да, похвально, что сам гражданин Нелепский

не пьет спиртных напитков. Но, в конце концов, это — его личное дело. И мы, товарищи, не позволим заводить у нас склоки и интриги!

В прениях один из членов общества, пошатываясь от возмущения, поддержал инструктора:

— С-с-лу-ш-шай, д-др-руг, ты меня уважаешь? А в-вот Н-нелепский м-мен-ня не уважает. Гнать таких надо из н-наш-шей р-род-ной к-ком-пании т-трез-звос-ти...

Его сосед, не сумевший встать, подал реплику с места:

— И м-морду н-набить!..

ЭДУАРД ЯКУБОВСКИЙ

РАССКАЗ

Ай-яй-яй, Семенов!

После того как нам выдали премиальные за досрочный ввод жилого девятиэтажного дома на 147 квартир, я выждал неделю. Потом одел рабочую спецовку, взял в руки чемоданчик с инструментом и поехал по знакомому адресу. У дома встретил второго нашего бригадира — Семенова. Мы постояли, покурили и разошлись. Я зашел в первый подъезд и постучал в крайнюю дверь.

— Замок нам новый надо врезать,— суетливо объяснил хозяин.— Уж неделю попеременно на работу ходим. Кто же на этот надеется? Сунут в дверь железяку и вручают всем одинаковые ключи. А мне накладной надо.

Я принялся за работу. Посмотрел замок, который купил хозяин, разобрал его, перевернул ригель на другую сторону. Аккуратно выбрал стамесочкой

паз, дрелью просверлил отверстие, вставил замок, винты смазал солидольчиком, чтобы в случае надобности и снять можно было, пару раз захлопнул дверь. Все в порядке.

— А старый уберите, пожалуйста,— жалобно просил хозяин квартиры.

Вот со старым замком я повозился. Он был закреплен лишь с одной стороны, но как... Намертво вбили гвоздь, да еще и свернули набок шляпку. Эх, Семенов, Семенов... Это же его бригада делала нечетные подъезды. Моя — четные. Положено и этот замок ставить на винтах, причем предварительно пробивать отверстие, чтобы винт шел легче.

Гвоздь я вынул, замок тоже. Нашел в чемоданчике деревянную пластину, по форме соответствующую замку, смазал ее клеем и вставил в дверь. Взял баночку с краской (когда красили в доме двери, я отлил себе немного), и через минуту торец двери выглядел так, как будто никогда сюда и не врезали замок.

— Господи, красота-то какая, — восхищался хозяин.— Полчаса, и все готово. Вот что значит золотые руки.

— А у меня вы не посмотрите? — раздался за спиной женский голос.— Я из соседней квартиры. Батарея у меня не греет.

Распрощался я с мужчиной и пошел к женщине. Батарея действительно не грела. Стояк раскаленный — не дотронешься, а на радиаторах до лета мясо можно хранить. Ясно, в батарее воздух. Сунулся я к клапану, а его нет. Вместо красивой бронзовой втулки, в которой винт есть для выпуска воздуха, самая вульгарная заглушка из куска запаянной с одного бока водопроводной трубы.

Ай-яй-яй, Семенов. Такой опытный бригадир, а что сделал. Халтура же это. Да, вода на пол не течет, а как воздух выпускать?

Клапаны у меня есть. Попросил я принести тазик, подставил его под батарею, взял разводной ключ. Нет, резьба не сорвана, заглушка стала вывинчиваться. Теперь главное — спокойствие. Левой рукой вывинчиваю заглушку, правой вставляю клапан. Полторы секунды из батареи будет выходить воздух, за это время надо успеть вставить клапан. Успел. Горячая вода брызнула, но я уже заворачивал на второй оборот. Отвинтил внутренний винт — нет, идет не воздух, а кипяток. Потрогал батарею рукой — горячая.

— Как снова станет холодной,— говорю хозяйке,— этой железкой поверните винт. Воздух выйдет.

И протягиваю ей самодельный ключик. Я их за полдня штук двадцать в слесарке напилил. А женщина мне десятку протягивает, благодарит. Я ей пятерку сдачи сдал (ту, которую получил в соседней квартире) — не брать же червонец целиком.

До полуночи посетил три этажа, жильцам остальных сказал, чтобы не расстраивались — завтра приду и сделаю все на совесть.

Вышел, закурил — на работе не до сигареты. Из соседнего подъезда Семенов вышел. Постояли, покурили, взяли свои чемоданчики, пошли по домам.

ДМИТРИЙ КЛЕЩЕВ

ЭПИГРАММА

Голова

За шефа я статьи писал в журнал,
И все его хвалили:
— Голова!

Не выдержав, я как-то закричал:
— Там все мое! И мысли, и слова!
За что же, братцы, хвалите другого?
— За то,— твердят мне,— хвалим мы его,
Что он нашел осла такого,
Который сел работать за него!

ГЕННАДИЙ ТКАЧЕВ

РАССКАЗ

Психологические аспекты

Неформальный лидер Пашка Селиверстов стоял у подъезда. На нем были меховая безрукавка, а также джинсы, украшенные бархатными латками. Вокруг группировались мальчики с неполным восьмилетним образованием. Смеркалось.

Тяжело ступая, со второго этажа спустилась дворничиха Спиридоновна.

— Опять накидали окурков, — проворчала она.— Ни стыда, ни совести.

— Хо,— лениво бросил Вадька.— Не мешай самоутверждаться.

В окнах зажигались огни. Мимо подъезда пробежала круглая отличница Клава. Она спешила изучать образ Болконского.

— Эй! — крикнул ей вслед Пашка.— Я тебя люблю!

Все засмеялись. Лидер уверенно цементировал свой авторитет. Заявился Стас — как всегда с гитарой. Последним приплелся Жорка, припес «Белое крепкое», ноль семьдесят пять.

Дело было вечером, делать было нечего. Однообразие угнетало.

— У меня с предками психологическая несовместимость,— совсем заскучал Ленька.

— Другая эпоха, хип, — сказал Жорка.

— Чем больше город, тем меньше престиж родителей, — рассеянно заметил Пашка.

На следующий день он предложил план. Нечто совершенно новое, убедительное, неожиданное.

Длинные волосы перестали быть способом опознавания. Устарело. Джинсы уже не в моде. Где индивидуальность? Нет ее. Поэтому Пашка внес два предложения: постричься, освоить костюмы строгого спортивного покроя.

— Хо,— оживился Вадька,— в этом что-то есть.

Постриглись. Освоили костюмы. Пили «Белое крепкое», ноль семьдесят пять. Смеркалось.

— Вино — медленная смерть, — опять заскучал Ленька.

— А мы не спешим,— возразил ему Стас.— Или я ошибаюсь, шеф?

— Способность к ошибкам предопределяет поиск,— уклончиво ответил Пашка. Он искал выход.

Спустя два дня он снова выдал рецепт. Надо бросить пить.

Решили, постановили. Торжественно разбили о стенку «Белое крепкое». На втором этаже застонала дворничиха Спиридоновна.

Вечер провели в кафе-мороженое.

— Все равно скучно,— канючил Ленька, помешивая соломинкой молочный коктейль.

— Чего-то не хватает,— поддакивали ему Вадька, Жорка и Стас.

Лидер молчал.

Он молчал почти неделю, а затем поделился мыслями. Нужно выкинуть нечто потрясающее. Бесподобное. Например, пойти в филармонию. Это придаст им индивидуальность.

Идею одобрили. Купили билеты. На концерт органной музыки. С последнего ряда на них с удивлением глядела круглая отличница Клава. Ленька спал.

— Я хочу на танцы, — сказал он, проснувшись.— Хочу быть стандартным.

— Поздно, старик,— осадил его Пашка.— Теперь мы связаны одной цепью.

Прошло два месяца. Под предводительством Пашки группа усиленно искала свои отличительные черты. Вадька поступил на работу, учеником токаря. Стаса приняли в техникум, Жорка устроился в ГПТУ. Ленька успешно закончил восьмой класс и перешел в девятый. В школе он подружился с круглой отличницей Клавой.

Как обычно, смеркалось. Поддерживая Клаву под локоть, Ленька возвращался из библиотеки. Тайком от подруги он поглядывал на часы. Родители ждали его к одиннадцати, и ему не хотелось огорчать этих добрых, удивительных людей.

А на другом конце города, в пединституте, шло заседание студенческого научного общества. Слушали доклад: «Психологические аспекты руководства неформальными группами». С докладом выступал студент Павел Селиверстов.

ЮЛИЙ ЛЕВИТ

Морализмы

Все в долгу у ничтожества, только талант в долгу у всех.

Глупость — как лысина на макушке, всем видно, а обладателю нет.

Анкета — наилучший способ, все узнав о человеке, ничего не узнать о нем.

Единственная причина безнаказанности наших сновидений — отсутствие свидетелей.

Когда этот пепел был сигарой, он тоже не боялся ветра.

Если виновного не находят, его назначают.

ВАЛЕРИЙ АНИЩЕНКО

ПАРОДИИ

Силки

Я играю напрямки, без правил,
И не раз ты предупреждена:
Я вокруг силки стихов расставил —
Все равно запутаться должна.

Лев Друскин

Отловлю. Силки стихов мудреных
Я расставлю. И учти одно:
Попадешь — из строк моих плетеных
Выбраться тебе не суждено.
Есть еще в наличии приманка!
Строфы, петли... Книжек дополна.
Я неделю замерзал в землянке,
Но — увы! — не клюнула она.
Лишь прошла, веселая и злая,
Отметая снасти на ходу:
Рифмы, сети, дактили... Не знаю,
Для кого я все это плету?!

6 Заказ 152

Не из доски

Сжимали по ногам тиски тоски,
А я — ты знаешь сам — не из доски.
Стреляли вновь и вновь враги в меня,
А я ведь не бревно и не броня.

Михаил Найдич

Меня хотел разрезать
Дровосек,
А я ведь не сосна,
А человек.
Меня рубил усердный
Лесоруб.
А я ведь не береза
И не дуб.
Палили пушки
Яростно в меня,
А я ведь не бревно
И не броня.
Ковал, кромсал
Безжалостно кузнец,
Но я не сталь,
Не медь и не свинец.
Короче: радость бьет
В мои виски —
Как хорошо,
Что я не из доски!

Судьба-злодейка

И я скажу любому, между прочим:
Как интересно быть разнорабочим,
Бензин возить, весь день прибор носить,
Канавы рыть...

Олег Дмитриев

Я шел по скалам, рекам и болотам,
Меня везло, кидало и трясло.
И где я только, братцы, не работал
Любой квалификации назло!

Я рыбу ел ночами на привале,
Шел налегке по тундре вековой.
Мне рыть канавы даже поручали,
Грузить мешки и бегать за водой!
Я жег костры, скитаясь бородатым,
Ломал дрова, врывался в бурелом...
Я и теперь бы вкалывал лопатой,
Когда б не приспособился... пером.

Приметы

Лежит предвестником весенним
Яйцо куриное в гнезде.

Егор Крыльцов

Яйцо — вернейшая примета.
Явилось в мае — признак лета.
А появилось в ноябре —
Зима маячит на дворе.
Еще вдобавок я приметил,
Что, если курица того...
Сидит на этом на предмете —
Цыпленок выйдет из него.

Средство

Поэзия — зверство,
вивисекция сердца,
госпитальных ночей
соловьиный наркоз!
Или новое средство
для ращенья волос?

Евгений Елисеев

Что поэзия, братцы?
Не находится слов.
Это «Прима-12»
(дихлофос от клопов).
Строкогонное. Крепость
краше всякой муры.
Это новое средство

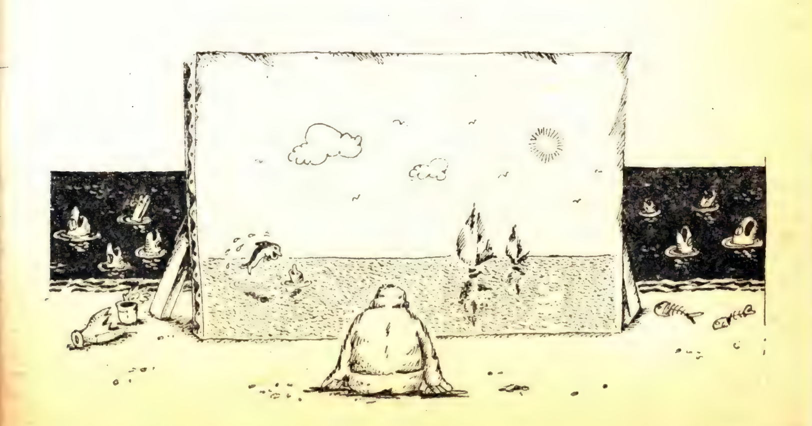
для мытья головы.
Это насморк жестокий,
риторический жар.
Госпитальные строки.
Носоглотки катар.
Это дело такое,
ноет все и болит,
это зверство сплошное,
это радикулит.
Не пойму, что со мною:
вроде я и тверёз,
а придумал такое,
что по коже мороз.

На асфальте

...И даже что-то рифмовали
Мы на асфальте городов.
Вадим Беднов

Листы бумажные оставьте,
Пишите прямо на столах,
Рифмуйте больше на асфальте,
На стенах зданий, на столбах,
Дерзайте мелом на просторе!
Для выраженья чувств своих
Смелей используйте заборы,
Панели, пни в местах глухих.
На что болотные коряги —
Все зарифмуется сполна.
И вот тогда у нас бумаги
Проблема будет решена.

НИКОЛАЙ КРУТИКОВ

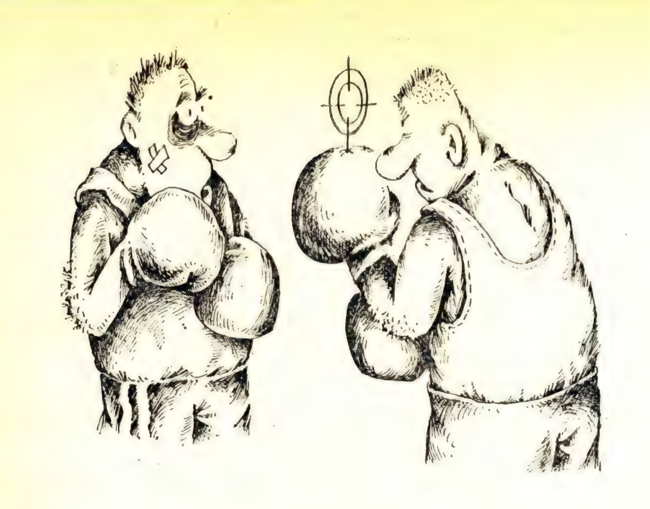

Когда каменный цветок начнешь делать, Данила?

КОНАН-
ДОЙЛЬ
АГАТА
КРИСТИ

АЛЕКСЕЙ ГЕНКИН

РАССКАЗ

Погоня

Приближалась станция. Когда поезд начал замедлять ход, Корж спустился на подножку. Рывок — и он, сжавшись в клубок, покатился под откос. Поезд прошумел мимо и скрылся. Падая, Корж стукнулся головой о большую ветку и теперь медленно приходил в себя. Он вдруг вспомнил все, рванулся, чтобы встать, но в глазах потемнело, и он снова опустился на землю.

Через минуту он медленно поднялся, пошатываясь, подошел к ближайшему дереву и прислонился. Затем сбросил пиджак, оторвал рукав от рубашки, туго перевязал им голову и медленно двинулся в чащу леса. Боль стала терпимой, и Корж зашагал быстрее. Еще быстрее, и вот он уже почти бежит.

— Скорее к Ваниной горке, а там вправо по зимнику и на вырубки,— бормочет Корж. — Неужели обойдут, неужели настигнут? Ну, нет. Шалишь, брат! Корж так легко не сдастся.

Вот и Ванина горка. Корж взобрался на кручу, огляделся и нырнул в заросли шиповника. Ободрав лицо и руки, он выбрался к зимнику.

— Только бы выиграть время! 20—30 минут могут решить исход дела.

Стиснув зубы, Корж вытащил нож и двинулся к вырубкам. Яркий солнечный свет ударил в глаза. Вот она, земля обетованная! Душа ликовала: успел-таки, опередил. И Корж прохрипел:

— Не счесть алмазов в каменных пещерах, не счесть жемчужин в море полуденном!

Грибов было действительно несметное количество. Через полчаса мешки были набиты отборными опятами.

На вырубках показались пассажиры с грибного поезда. По изможденному, но гордому лицу Коржа медленно сползала слеза счастья.

ЮРИЙ КОВЯЗИН

ЭПИГРАММЫ

Оправдали

За то, что развалил совсем дела,
Хотели как-то наказать Осла.
Но рассудили, зная ум Осла,
Что поступил он так без умысла.

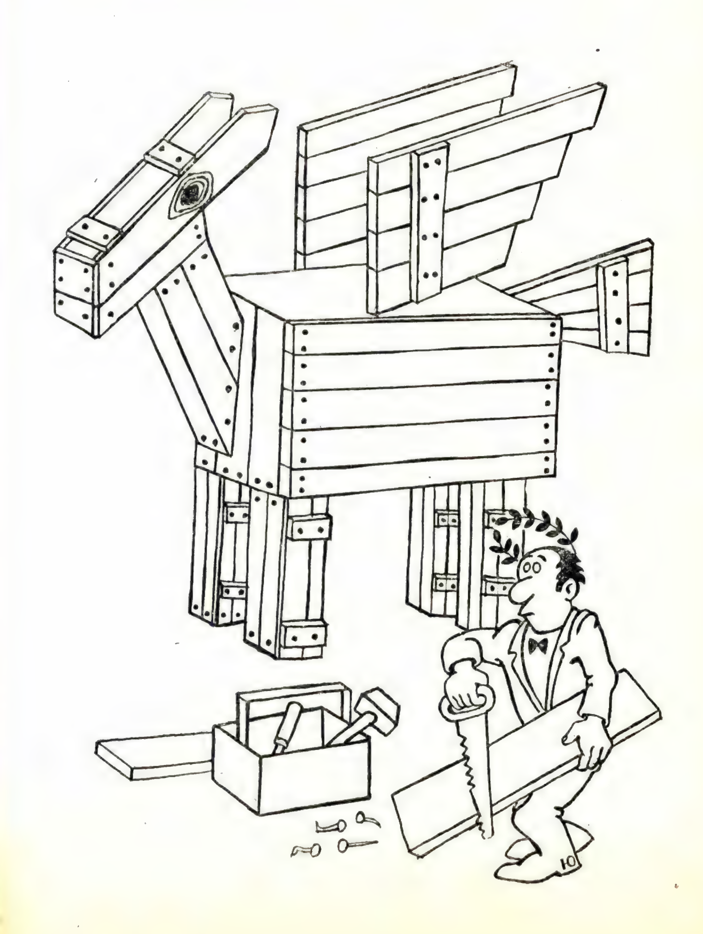
Сюжет и мораль

Сюжет: С поста барана сняли.
Мораль: А пост зачем давали?

Трудно поставить

— Его давно пора на место
Поставить: пьет не первый год!
— И ставили, скажу вам честно.
Но лишь поставят — упадет.

ВЯЧЕСЛАВ ЮРЧИКОВ

ВИТАЛИЙ КОСТРОМИН

РАССКАЗЫ

Кровопивец

Батюшки, Дамбуков опять на работу не вышел! В резерве один Сережка — ученик. Так ведь зелен, не потянет... Надо идти к Дамбукову. Поклониться.

В дамбуковском подъезде меня трясти начало. Не впервой! Знаю, на что иду.

— Кирилл Игнатьич, можно заглянуть?

— Ну, загляни, мастер, коль поясница не болит. Я тут только бутылку почал.

— На работу бы, Кирилл Игнатьич,— говорю, холодея.

А он из-за стола медленно стал расти-подниматься, словно джин из бутылки.

— Ты не беспокойся,— говорю, — с оплатой все будет в ажуре... Полсмены уже прошло... Поставим полную...

Дамбуков до люстры дорос и багрецом налился. Я — к дверям. На всякий случай. Оттуда лепечу:

— Десятку за выход!

Вовремя дверью прикрылся — на мне бы стакан рассыпался. Граненый. Когда по перилам ехал, успел выкрикнуть:

— Пятерку — от себя!

Тут слова мои потонули в грохоте — Дамбуков вдогон детский велосипедик в пролет кинул.

Горд и неприступен наш Кирилл Игнатьич, подумал я с уважением. Но все ж таки под балконом сложил ладони рупором и прогудел:

— Итого: 30 рэ!

Балконная дверь лопнула.

Дамбуков упал грудью на цветочный ящик и прохрипел:

— Кровопивец! Доконал-таки, проклятый. Уговорил!

Не подведем!

— Товарищи! Сегодня у нас в какой-то мере юбилей. Мы с вами собрались на сотое совещание по поводу строительства важного народнохозяйственного объекта — распределительной подстанции. Ровно три года назад мы заложили первый камень в ее фундамент. Не скрою — темпы возведения объекта могли быть выше. Но только тот, кто никогда ничего не строил, может сказать, что это простое дело. Только злопыхатель может называть нашу подстанцию оскорбительно трансформаторной будкой. Да, не велика — четыре квадратных метра. Но, как говорится, мал золотник, да дорог. И все-таки мы, вы, товарищи, еще не все сделали, вскрыли не все резервы для скорейшего окончания строительства. Петров, на этот раз, надеюсь, раствор будет?

— Непременно!

— Сидоров, а кирпич?

— Обещаю железно!

— Иванов, ну а рабочими наконец обеспечишь?

— Клянусь!

— Именно за это, за безотказность, я и уважаю вас, товарищи. Три прошедших года совместной работы были для меня по той же причине сплошной радостью. Общий язык мы находили всегда. Вот и сегодня, переходя от официальной части к разному в нашей повестке, я приглашаю всех в субботу на возведение, извиняюсь, моего личного гаража. Думаю, за день мы его уломаем. Он всего ничего:

четыре метра на восемь, всего два этажа. Техника стоит на линейке готовности, материалы припасены вплоть до балыка. Как? Справимся, товарищи?

— Обижаете! Когда мы подводили?!

ВЯЧЕСЛАВ СМИРНОВ

РАССКАЗ

Возмездие

Сначала в проеме приоткрытой двери показывается всклокоченная голова-солнышко, с мордашкой, густо заляпанной веснушками, словно в нее брызнули ржавой водой, затем в комнату входит сам Колька Лядов — второгодник четвертого класса. Кошачьи глазки сразу подмечают отсутствие матери, и малый, ставя у порога сумку с учебниками, облегченно вздыхает: «Обойдется без лупцовки». Отец особой опасности для него не представляет.

Сам отец восседает на диване, увлеченный телепередачей. На журнальном столике перед ним помимо духовной пищи — журнала «Крокодил» — имеется и насущная: бутылка с недопитой водкой, хлеб, колбаска. У человека выходной, и он изволил принять ванну, ну, а по такому случаю, сами понимаете, грех не прополоскать горло.

Папаша поворачивает голову, с минуту тупо созерцает родное чадо, потом осведомляется:

— Опять двояк схлопотал?

— Нет.— Дитятко с повышенным интересом начинает изучать вылупившийся из половой доски сучок, ковыряет его носком ботинка.

— Только не капай мне на мозги. По бельмам вижу: двояк схлопотал.

— Нет,— упрямо повторяет сын.— В дневнике написали... Распишись, пап, пока мамки нет.

Илья Маркович раскрывает поданный дневник и там, где должно размещаться расписание уроков на четверг, видит целую петицию, написанную красными чернилами.

«Речь вашего сына изобилует вульгарными словечками, как то: «коры типа зашибись», «чувячка», «пасть порву, шпаргалы выдавлю», «хрусты» и т. д. Вчера не выполнил домашнее задание по русскому письменно. Следите за речью ребенка и за выполнением им домашних уроков».

— Кхм...— не то крякает, не то прокашливается глава семейства, и физиономия его багровеет еще больше. — Ты почему такой-то?

— Какой?

— Да вот такой! — трясет Лядов-старший в руке дневник. — Почему речь засорена жаргоном? Что еще за «коры типа зашибись»? Я тебя спрашиваю: что такое «коры»?

— Это обувь,— тихо раздается в ответ.

— Чего-о? Кошмарно! Дико! Неужели русский язык так беден, что ты не можешь обувь назвать нормальным словом? Прохоря, колеса, бахилы — вот как на русском языке называется, которые на ногах. А то — коры! Ха, придумывают же что-то такое непонятное... А почему «типа зашибись»?

— Хорошие, значит.

— Да, хорошие! — передразнивает родную кровиночку папаша. Трудно тебе было сказать фартовые или шиковые? У тебя что, заменяемых слов нет?

— Есть... учим в школе синонимы.

— Так почему поганишь речь такими словами? Эти самые... э... как ты сказал?.. синонимы для того и служат, чтоб выражаться ясно и четко. Например:

 одежда — шмотки, чемодан — угол, работать — вка-

лывать или мочить роги. Усек?.. «Чувячка!» это что за овощ?

— Хи-хи... Это девушка.

— Пацанка, что ли? Гм... странно. Что такое баба — само собой разумеется, знаю, что такое женщина или лахудра — тоже известно. А вот чувячка — впервые слышу. В наше время, когда я был молодым, так непочтительно представителей слабого пола не называли. Ну да ладно. Разберемся с «хрустами». Это слово для меня не ново. Однако сколько можно вдалбливать в твой рыжий калган: хрусты — слово устаревшее! Колами теперь называются деньги.

Илья Маркович закуривает и продолжает:

— Слово «пасть» мне тоже расшифровывать не надо. По всей вероятности, это хлебало. Не так ли?

— Рот,— поправляет малый.

— Одно и то же. Ответь лучше, кому ты собрался его порвать?

— Никому.

— Гм... А что за слово шнаргалы?

— Глаза.

— Глаза?! Ну, любезный, вот это уж совсем никуда не годно! С каких пор глаза стали шнаргалами? Насколько мне известно, они испокон веков назывались зенками, гляделками, стригунамй, фарами, шарами, но никак не шнаргалами. Нда-а...

Папаша еще раза три подряд аппетитно затягивается дымом сигареты и голосом, сбавленным на полтона, задает следующий вопрос:

— Почему домашнее задание вчера не сделал?

— Я, пап, пословиц не написал.

— Как так? Их же в народе тысячи бытует. Вот садись за стол и пиши!

— Я есть хочу-у.

— Напишешь пять пословиц — поштевкаешь.

Ничего другого, как подчиниться родителю, Коле

7 Заказ 152

не остается. Он садится за стол перед раскрытой тетрадкой, усиленно шевелит мозгами, но пословицы, как назло, не приходят на ум.

— Ладно, — сжаливается отец. — Одну я тебе подскажу. Пиши: яблочко от яблони... написал?... недалеко падает.

Высунув кончик языка, мальчишка старательно скрипит по бумаге пером, а Лядов-старший вооружает руку карандашом и в дневнике против слов «подпись родителей» размашисто пишет:

«На сына воздействовал. И. М. Лядов».

ВИКТОР БОГДАНОВИЧ

РАССКАЗ

Чтоб не было разговоров

Значит, так. Едва я появился на работе, меня тут же отвел в сторону приятель, но уже исполняющий обязанности:

— Слушай, старичок... Сегодня заседает тарификационная комиссия. Учти сразу: первой категории тебе не видать. Знаю точно: это решено. Так что предупреждаю: на рожон не полезу, тут я — пас. Нет, против не буду, но — воздержусь. Сам понимаешь — зачем против ветра... Но я к тебе по-прежнему. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

Потом меня вызвал старший:

— Вот что, друг-приятель... Сколько мы с тобой вместе трудимся?

— Десять лет без малого.

— Вот именно. Без малого. Десять. Ты знаешь мое к тебе отношение. Знаешь? Или нет?

— Знаю.
— Какое?
— Ну, нормальное. Хорошее.
— Вот. Хорошее. И все это знают. Сразу начнутся попреки: лучший заказ — любимцу... Короче, чтоб никто ничего — сделай ты эту копеечную работу, от которой все отказываются. Лады? Именно потому, что ты знаешь, как я к тебе отношусь!

А тут предместкома навстречу. Мы его месяц назад выбрали. До этого вместе в отделе работали.

— Здорово! — говорит.— Тебя-то мне и надо! Слушай, путевка тебе никак не получается. В принципе, она есть. Но все же знают, что мы товарищи. Пойдут разговоры... Слушай, давай в другой раз, а? Только без обид! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

В буфете наша поилица-кормилица подсунула мне вчерашние бутерброды и шепнула:

— Будь другом, доешь! Я свежие потом сделаю. Других мне просить неудобно, а ты свой, я же к тебе очень хорошо отношусь.

Едва я вошел в наш горластый двор, как невидимый наблюдатель завопил:

— Внимание! Дядя Гена из 32-й! Он добрый, не обидится. Давай!

И с козырька подъезда на меня рухнула снежная лавина.

Мокрый, злой и молчаливый, я поднялся на лестничную площадку. Тут из соседней квартиры выкатился метровый породистый щенок и положил лапы на мои плечи... Соседи принесли искренние соболезнования и заверили меня в своей лояльности.

Вечером зашли стародавние приятели. Много шутили, выпили припасенный к празднику коньяк «Ереван», заняли на неопределенный срок четвертную и отбыли за полночь, предварительно констатировав, что они, как всегда, меня уважают.

Утром явилась жена. И с порога заявила, что она никого никогда так не любила, как меня, и уже не будет любить. И что именно поэтому только я и смогу ее понять. В общем, Сеня Перчаткин может просто погибнуть... Короче, несмотря на высокую любовь ко мне, она вынуждена уйти к Сене. И она уходит.

Удивительно хладнокровно собираюсь на работу, выхожу на остановку. Голова ясная. Ноги пружинят. Во всем теле гулкая пустота и свежесть. Жду автобус, привожу мысли в систему.

«Хватит. Пора переходить к действиям. Значит, так. Даю объявление об обмене квартиры на фантастически льготных условиях. Адрес указываю Сени Перчаткина. Телефон соседей сообщаю всем как номер химчистки. Затем. Иду в гости к приятелям и «увожу» у них Сименона, всего сразу. Можно заодно уронить телевизор... Далее. Вызываюсь помочь и со страшной силой качу бочку на буфет — вроде случайно.

А в понедельник беру слово на планерке. Я им скажу: «Все вы знаете, как я к вам хорошо отношусь...»

Тут подошел мой автобус. Я оказался у самой двери — повезло, но рядом были дамы. Я подсадил бабушку слева, уступил женщине с зонтиком, потом девушке с глазами... Дама с усами вытеснила меня сама. А вслед за нею просочилась пара активных интеллигентов с «дипломатами». Последним зацепился за чей-то хлястик шустрый замухрышка с акцентом и насморком.

Двери сомкнули челюсти, и автобус, переваливаясь, словно утка на сносях, осторожно заскрипел суставами. А из кабины водителя голосом Софии Ротару рвал страсти в клочья транзистор: «Начни сначала! Начни с нуля!..»

АНДРЕЙ ШВЕДОВ

ПРИЕМ
СТЕКЛОПОСУДЫ

АЦ.

БОРИС ВОРОБЬЕВ

ФЕЛЬЕТОНЫ

Спецмолоко для банкета

Гражданина, пришедшего в ресторан с трудовым рублем, отличает похвально жесткий режим экономии. Он берет меню в тисненом переплете с опаской сапера перед миной-ловушкой. Еще не успев съесть салат и запить его пивом исетского розлива, гражданин прикидывает, во сколько ему обойдется пиршество. Трудовой рубль — он свой, кровный, собственный. С ним больно расставаться.

И совсем другое дело, когда гражданин идет в ресторан повеселиться на государственный счет. Его надежно подпирает могучая учрежденческая касса. Чувствуя неограниченный кредит, участник банкета проходит по страницам меню, как Мамай. На симпозиумах, торжественных слетах, встречах, форумах, юбилейных посиделках по случаю одиннадцатилетия родных предприятий и учреждений вино льется рекой. Лошадей здесь не поят шампанским только потому, что конское поголовье в индустриальном крае сошло на нет.

Поводы для гульбищ могут быть самыми разнообразными. Обмывают как значительное перевыполнение плана, так и значительное его недовыполнение. В одной больнице было организовано шумное застолье в честь доноров. Директор птицефабрики вообще запамятовал, по какому поводу он перевел в ресторан тысячу рублей. Кажется, что-то было связано с чествованием птичниц, которые выпили вина и водки на 998 рублей и лишь два рубля пришлось на закуску.

Не так давно в одном районе имела быть педагогическая конференция. Устроитель конференции товарищ Петухов доверительно намекнул заведующему районо Малому:

— Конференция будет напряженной и трудной. Члены президиума, сами понимаете, на одних педагогических идеях не протянут. Нужна солидная кухня.

— А где же взять деньги? — испугался Малый.

— Думайте, коллега,— снисходительно потрепал его за университетский значок Петухов.— Недаром вам доверили воспитание молодежи.

И Малый оправдал возложенные на него надежды. Он оплатил счета якобы за питание трехсот школьников-спортсменов. На эти деньги в фешенебельном ресторане «Ермак» на тридцать персон были заказаны плотные обеды, а также благородные хмельные напитки. Членам президиума все это доставляли на сцену, где они могли пить и закусывать без отрыва от трибуны.

Кое-где банкетное дело ставится, по сути, на промышленную основу, поскольку в нем участвуют солидные предприятия, обладающие неограниченными финансовыми возможностями. Деньги они переводят на счет какого-нибудь крупного ресторана, который и становится опорным пунктом для проведения торжеств. Чтобы организаторов не застигли врасплох, они финансируют пьяные посиделки «вескими» причинами. Директор металлообрабатывающего завода перевел крупную сумму в ресторан за спецмолоко для рабочих вредных профессий. Местные остряки сразу же окрестили этот продукт спецмолоком от бешеной коровы. Руководители другого предприятия спецмолоко заменили спецжирами от той же коровы.

Нельзя не процитировать акт о списании средств, составленный в лирических тонах:

«Банкет, в котором участвовали шестьдесят наших представителей и двадцать гостей из соревнующегося с нами района, прошел под знаком единения и высокого морального содружества. Он, безусловно, послужит новому творческому подъему трудовой активности».

Задушевный стиль акта легко понять, если принять во внимание, что на застолье ушло полторы тысячи рублей. «Столичная», коньяк, «Советское шампанское» в сопровождении множества разносолов поглощались весело и нагло.

Банкетное веселье не только не утихает, но и помаленьку набирает силу. И если не ударить по карманам гуляк теми же самыми десятками тысяч рублей, которые они так беззастенчиво пропивают и проедают, эпидемии не будет конца.

Гордиев санузел

Недавно в нашей квартире иссякла вода. Собственно, она была, но засорились трубы и наглухо закрыли путь живительной влаге к водопроводным кранам и бачку «эврика».

Естественно, мы кинулись в домоуправление за слесарем-сантехником.

— В запое они,— дружелюбно объяснила нам домоуправляющая.— Так что, граждане, придется потерпеть.

— И долго?

— Нынче у них средний запой. Большой был накануне. К концу недели обязательно должны быть.

К концу недели в квартиру постучалась небритая личность, назвавшая себя техником. Он мрачно прошествовал в ванную и, покопавшись там с полчаса, объяснил, что без гибкого шланга дело — труба.

— Никак нельзя без гибкого шланга,— проникновенно повторил он.— А шланг по нонешнему времени — исключительный дефицит. Оно, конечно, поискать можно...

— Сколько? — спросили мы напрямик.

— Так сразу и не скажешь... По метражу труб определять надо. Опять же чистка, обмуровка, продувка, на две бутылки потянет!

Он с отвращением взял в качестве задатка три рубля и отбыл, грохоча сапогами на босу ногу, в поисках редкого инструмента. Больше мы его не видели.

Проблему помогли решить сердобольные соседи.

— Вы что, с ума сошли — звать сантехника из домоуправления?! — поразились они. — Позовите Шкалика — он все сделает мигом.

Дядей Федей, или Шкаликом, у нас уважительно величают некоего гражданина, разбившего становище на углу гастрономического магазина. В квартиру он прибыл со скоростью бойца-горноспасателя, обвешенный полевыми сумками образца суровых военных лет.

Гибких шлангов у дяди Феди оказалось великое множество и любого метража. За половину воскресного дня мы вместе с ним прочистили чудодейственным шлангом все трубы, переменили изношенные части труб (все из тех же полевых сумок), заменили шайбы. И вода забила весело и звонко, как из артезианской скважины. Уходя, Шкалик неприхотливо попросил семь рублей, пообещав и впредь оказывать водопроводные услуги.

Ровно через неделю мы приобрели кухонный гарнитур «Кристалл» производства Уралмашзавода. Изделие уралмашевских умельцев дает сто очков вперед любому импортному гарнитуру по практичности и красоте отделки. В набор входит чудо-мойка, вентилятор с бактерицидной лампой, пять див-

ных навесных и напольных шкафов, в один из которых вмонтированы электронные часы и таймер, а также стол с табуретками. Плюс к этому огромный ящик с сантехническим оборудованием для подключения мойки. При виде этих деталей у человека, не получившего высшего технического образования, опускаются руки.

Бесчисленные звонки в различные объединения бытового обслуживания населения лишь вогнали в тоску:

— В штатах подразделения областного управления бытового обслуживания населения сантехников нет и не предвидится,— привычно ответили «добрые услуги».— Пробить дырки в стене — это мы можем, а с сантехническими работами справляйтесь сами.

К счастью, дядя Федя оказался на месте. Потребовав задаток в 1 рубль 42 копейки, он кинулся в магазин и через пять минут был готов к жаркой работе.

Однако при взгляде на мойку сантехник-любитель ударил кепкой-шестиклинкой по носу сапога.

— Много делов, хозяин! Да еще сварка требуется. Тут надо звать корешей. Установка обойдется в одну бумажку.

Одна бумажка — это пятьдесят рублей. Впрочем, ради нового гарнитура пойдешь на все. Но вот беда: фигура Шкалика не вызывает доверия. Одно дело поручить ему водопроводный кран, совсем другое — изящную дорогую мойку.

Но и тут помогли те же сердобольные соседи, посоветовав:

— Да вы пригласите Эдуарда Львовича. Сделает вмиг и возьмет недорого.

Эдуард Львович относится к новому поколению вольноопределяющейся технической интеллигенции. После окончания института он практикует на дому, используя многочисленные прорехи службы быта.

Эдуард Львович пришел в джинсовом костюме с японским портфелем-дипломатом, трезвый, как стекло, пахнущий духами «Шанель».

— Эту работу я берусь сделать. Угодно вам выплатить мне двадцать пять рублей? Благодарю вас!

И действительно, деловой американизированный Эдуард Львович, обрядившись в аккуратный черный халат, за два часа установил мойку, показал нам, как и что включать. Ушел он по-английски, не попрощавшись.

Подобные бытовые катаклизмы ежедневно потрясают квартиры тысяч людей, взывающих к помощи таинственной секты сантехников, которые как бы существуют и как бы нет. Лопнувшая труба, неисправный сливной бачок, протекающий кран, установка кухонного гарнитура превращаются в форменный кошмар, если под рукой не окажется дяди Феди или Эдуарда Львовича.

Да, Гордиев санузел, в отличие от мифического узла, мечом не разрубишь. Быт требует современного специалиста, который просто так не появится. Его надо готовить. Как, скажем, сталевара, токаря или наладчика автоматизированных систем.

АЛЕКСАНДР ПИЧУРИН

БАСНИ, ЭПИГРАММА

Два слова

Явившись на прием к Быку,
Спел Попугай: «Ку-ка-ре-ку!»
Когда ж в курятник заглянул,
«Му-у-у!» — очень важно протянул.
И там и тут — восторгов шквал.

А он лишь те два слова знал...
А вы сумеете скумекать,
Где промычать, где скукарекать?

Подражатель

Осел, копируя повадку львов,
Стал издавать и сам истошный рев.
И преуспел: в пословицу вошла
Не только глупость, но и рев Осла.

Выношенное мнение

Он мнение вынашивать любил.
С начальником не ссорился при этом.
Поскольку это мненье выносил
Обычно из его же кабинета.

ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВ

ПАРОДИИ

У Черного моря...

Стоит один,
оставивший моря.
Один! Но мы-то знаем
стороною:
при злой погоде
за его спиною
на взводе тридцать три
богатыря...
Василий Журавлев

Воинственно,
нетрезво, но пристойно
оставив море,
(ну, уж это зря!)

шагали тридцать три
богатыря
и пели песни
громко и нестройно.
Шумел у моря
развеселый хор,
при злой погоде
шибко колобродя.
И были все богатыри
на взводе,
и был хорош
комвзвода Черномор!

Особое измерение

Я — женщина.
И, значит, у меня
На все своя особенная вера.
Всему своя особенная мера —
Длины волос, дыхания и дня.

Любовь Ладейщикова

Я — женщина.
С меня особый спрос.
Я не люблю в природе однозначность.
Души своей ранимую прозрачность
Я измеряю длительностью кос.
Я — поэтесса!
Рифмы для меня —
Как блеск ума на молниях мгновений.
Я измеряю суть стихотворений
Овациями завтрашнего дня.
Я — человек! Жена!
И даже мать!
Дышу, как йог,— вздохну и замираю...
Я частотой дыханья измеряю
Все то, что завтра буду издавать.

Муки творчества

...Снегу нет, и рифмы нет,
Спит былая гениальность,
Будто я и не поэт
И талант мой не реальность!

Виктор Боков

Не могу создать ни строчки,
Будто я и не поэт.
Почему дошел до точки?
Потому, что снега нет.
Снега нет. И то — реальность.
Я сижу как дилетант:
Спят былая гениальность
И померкнувший талант.
В беспробудной дрёме-неге
Тихо тлею, не горю...
Вот навалит много снегу —
Я поэму сотворю!

БОРИС ЯШИН

РАССКАЗЫ

Печать круглая...

Мне понадобилась характеристика с места работы, и я пошел к начальнику.

— Понимаешь, некогда мне,— почесал затылок начальник.— Знаешь что, напиши-ка ты ее сам, а я подпишу. Хорошо?

И я пошел писать. Достал из кармана авторучку, положил перед собой лист бумаги. «Характеристика»,— написал я и задумался. Что я могу написать о себе? Как я показываю себя? На той неделе по-

бежал раньше положенного на обед, вчера опоздал... Мне дали работу на два дня, а я с ней четыре дня провозился: занят был мыслями о предстоящем свидании... Сегодня не поздоровался со Светланой Елистратовной... Да... Отрицательный тип, и только. А писать нужно. И я написал ровным почерком:

«Товарищ Обмоткин Игорь Петрович работает в институте копировщиком и показал себя недисциплинированным товарищем, к работе относится недобросовестно, от общественной деятельности уклоняется и не здоровается со старшими.

Характеристика дана для предъявления на курсы садоводов».

Дал перепечатать свое творение машинистке и принес к начальнику.

— Написал? Вот и молодец,— сказал начальник, подписывая характеристику.

В школу садоводов я отправился без всякой надежды. «Если меня не будут принимать,— думал я дорогой,— то скажу, что я исправлюсь».

В тесной комнатке за столом сидел респектабельный дядя. Он внимательно посмотрел на меня и взял документы.

— Выписка из трудовой книжки — так, в порядке, справка с места жительства, характеристика — в порядке,— говорил он, просматривая документы,— копия об образовании — в порядке, фотокарточки хорошие. Все в порядке! Считайте, что вы приняты на курсы садоводов,— поднял дядя голову.

— Но у меня характеристика...— пробормотал я.

— Что — характеристика? — насторожился он.

— Не совсем гладенькая.

— Что, подчистки? — спросил дядя и, посмотрев бумагу на свет, улыбнулся: — Нормальная характеристика. Подпись не подделана, печать круглая. Все в порядке, молодой человек.

В общем, я учусь в школе садоводов.

41-й номер

Гардеробщица взяла пальто и, шурша новым голубеньким халатиком с белой окантовкой, унесла его в глубину гардероба. Я улыбнулся, предвкушая легкое опьянение чарующей музыкой гениального композитора. Мимо в приподнятом настроении гуляла театральная общественность.

— Сорок первый,— сказала гардеробщица.

— А номерок? — спросил я.

— Номерка нет — потеряли. После спектакля скажете номер и получите свое пальто.

— А номерок?

— Вы что, простого языка не понимаете! Его потеряли! Понятно?

— Но почему,— спросил я,— вы не можете повесить мое пальто на вешалку с номерком? На сорок второй, к примеру?

— Я вешаю подряд. Сорок первый крючок, по-вашему, должен пустовать?

Гардеробщица взяла пальто у очередного театрала и скрылась между вешалками.

«Между прочим, мое пальто из импортного материала,— думал я,— в ателье «Модница» по знакомству шито под руководством известного закройщика-новатора Вольдемара Шишковского. И терять пальто по беспечности гардеробщицы и моей неосмотрительности никак нельзя. Ну, номер, предположим, я запомню, а если...»

Тут появилась снова гардеробщица и очень удивилась, что я еще не в партере.

— А если кто номерок найдет и мое пальто получит? — продолжаю я разговор с ней так, словно он и не прерывался.

— Не найдет! Я тринадцатый год работаю, и до сих пор сорок первый никто не приносит.

8 Заказ 152

— А вдруг принесут?

— Поблагодарю, а пальто выдам только вам. Будьте спокойны! Слава богу, примелькались.

Вновь забрякал электроколокольчик, и я побрел в зал. Там уже гасли люстры, стихал скрип кресел и слышалась настройка музинструментов. Я достиг своего места, указанного в билете, и минут пять сидел, разглядывая ближайших соседей, в особенности мужчин. Все они были примерно моего роста, и, стало быть, мое пальто им пришлось бы впору. Едва я успел подумать, что это добром не кончится, как бархатистый занавес цвета морской волны раздвинулся, заиграла музыка и все захлопали в ладоши. Чтобы не казаться невежей, я тоже немного похлопал. А на сцену вынесло балерин...

В этот момент я заметил, как по широкому проходу, пригнувшись почти до самого пола, пробрался к выходу какой-то детина.

«Сейчас подбежит к гардеробщице, назовет мой номерок... и будь здоров, Юрий Павлович!» — подумал я, чувствуя, как учащенно бьется в груди мое сердце.

Я поднялся и тоже бросился к выходу. Но у гардероба — никого, кроме самой гардеробщицы. Сидит и книжечку почитывает.

— Мое пальто на месте? — спрашиваю.

— Ах, это опять вы? — бросает она.— На месте — где же ему быть?

— Ну тогда перевесьте его на свободный крючок с номерком. Знаете, с номерком в кармане я бы спокойнее смотрел на балерин.

— Свободных крючков совсем нет,— отвечает гардеробщица.

«Что же делать? — мучительно думаю я.— На балете сидеть — пальто уведут, сторожить его — балерин не увидишь...»

 И обращаюсь к гардеробщице в последний раз:

— Знаете, пойду-ка я домой. Десять лет обходился без балета и еще обойдусь... Выдайте мое пальто с сорок первого.

Скромность

Знакомьтесь: Мокей Мокеевич. Его стол справа. Хорошая должность, оклад — верхний предел. Постоянно в работе. Не курит. Когда его о чем-нибудь спрашивают, всегда отвечает:

— Не знаю, не скажу.

Однажды его спросили:

— Мокей Мокеевич, сколько, по-вашему, будет дважды два?

— Не знаю, не скажу,— спокойно сказал он, нажимая клавиши «Быстрицы». Когда спохватился, что дал промашку, было уже поздно — посыпались вопросы:

— А что вы, собственно, знаете?

— Может, напрасно сидите тут?

— Что кончили?

Мокей Мокеевич, конечно, покраснел, но присутствия духа не потерял:

— О чем вы, товарищи?! Да знаете ли вы, что может подумать мой начальник, если я буду отвечать на ваши вопросы?

— А что он может подумать? — опешили товарищи.

— Подумает, что я много знаю и подрываю его авторитет.

С тех пор Мокея Мокеевича ни о чем не спрашивали.

Вокруг кино

Говорят и пишут кинематографисты

...Причитается получить за работу пожарником в качестве имитации дождя во время съемок.

(из заявления)

Хорошо бы сделать для Центрального телевидения фильм «Малыш и Дон Карлос, который живет на крыше».

(из выступления на собрании)

Крупный план: Появляется племенной бык герофордской породы. Он растет в размерах. Наплыв и... бык переходит в статную корову этой же породы.

(из режиссерского сценария фильма о скотоводстве)

Рассказ в фильме «Тепловидение» будет вестись от лица невидимого теплового луча...

(из авторской ремарки в литературном сценарии)

Сценарий написан хороший, на бурятскую тему. Он еще тем оригинален, что легко трансформируется для любой автономной республики...

(из выступления редактора сценарной коллегии)

Королев Н. Н. проработал на студии всего три месяца. За это время показал себя с положительной и отрицательной стороны. Имеет строгий выговор за совершение кражи химикатов и благодарность за безвозмездную сдачу крови.

(из характеристики)

Мы не ждем милостей от природы, мы берем их из фильмотеки.

(из выступления кинорежиссера)

Из писем в Свердловскую киностудию

◆◆◆

Я очень хочу играть в кино. Чувствовать себя тем человеком, который нужен по ходу действия...

◆◆◆

Прошу ответить, не нужны ли вам люди с детским плачем и детским криком?

◆◆◆

С ранних лет мечтаю быть киноактрисой. Могу разыграть кого угодно, и даже мужчину.

◆◆◆

Прошу Вас принять меня на работу режиссером, ассистентом или, в крайнем случае, рабочим студии.

◆◆◆

Уважаемые работники киностудии!

Ваши выпускаемые кино хороши по содержанию, но мне не нравятся артистки. Почему в индийских фильмах все артистки красивые, а в ваших — иногда? Я женщина, но смотрю на женщину глазами мужчины.

◆◆◆

Здравствуй, уважаемая киностудия!!!

Не знаю, к кому конкретно из ваших действующих лиц обратиться, поэтому пишу на имя всей киностудии...

Собрал Б. Зеличенко

АЛЕКСАНДР КУНИЦЫН

ЭПИГРАММЫ

Чего не хватает?

Родимая природа!
Тут долго ль до беды:
Нехватка кислорода
И дефицит воды...
А может, к сожаленью,
Сегодня, как вчера,
Нехватка
Разуменья
И дефицит
Добра?

Физика и психология

Рядом эти странности
Ставить не спеши —
Кривизну пространства
С кривизной души.

ВЛАДИМИР ПОСТОЕВ

ЭПИГРАММЫ

Грезы без березы

Плачут сосны, стонут ели,
Все в слезах березы.
Будет издан на неделе

Том «Лесные грезы».
И от этих самых грез
Поредеет строй берез...

Фокус

Крупней слона предстала муха.
Кто чудотворец? Показуха.

ШАМИЛЬ ПАМИРОВ

БАСНЯ

Только дай повод

В благодатных глубинах плавал Налим. Пользовался авторитетом среди сородичей, был деловит и рассудителен.

Но однажды до глубины дошла басня «Налим-подхалим». Все рыбы дружно возмутились.

— Как можно,— говорили они,— из-за какой-то глупой рифмы клеветать на порядочного товарища?

— Безобразие! — сказал Сазан и написал автору басни отповедь.

В ответ пришла новая басня — «Сазан-хулиган».

ВЛАДИМИР СУМНЫЙ

ПАРОДИИ

Муки творчества

> Уступаю воде. Но умру не в стакане —
> в синем море, где рыбы разводят цветы...
> Опускаюсь в пучину, под синюю кожу,
> и... стремглав просыпаюсь! В палатке, в лесу...
> Ничего не случилось. Кусается дождик.
> Дождевая вода на ногах и в носу...
>
> *Глеб Горбовский*

Уступаю воде. Но топиться в стакане,
согласитесь, нелепо... Масштабы не те!
Я в сегодняшнем сне утону в океане,
Чтоб досматривать сны на дельфиньем хвосте!
И, проснувшись стремглав по давнишней
привычке,
снова в лес поспешу к своему шалашу,
где, присев над ведром океанской водички,
столько горько-соленых стихов напишу!
Если ж мне в эту ночь океан не приснится —
я и в том не увижу великой беды...
Все равно не останется чистой страница —
для страницы мне хватит и пресной воды!

Сподвижница

> Остановился мотороллер...
> Дорога, словно мартиролог...
>
> *Инна Кашежева*

Я запасаю рифмы впрок...
Хоть путь до Пскова был недолог,
Сумела сбить я «Блок — порог»
И «мотороллер — мартиролог».

Но это все — куда ни шло!
А что мне удалось впервые:
Я, всем созвучиям назло,
«Резину» склеила с «Россией»!
И если слава — по труду,
То биться об заклад готова:
Святою мученицей слова
Я в мартиролог попаду!

Наваждение

Казалось, что в невысохшей росе...
Казалось, что окно мое — экран...
Еще казалось — начался рассвет...
Ася Векслер

Казалось мне, что жду его давно,
Вот-вот оно покажется, казалось...
Казалось — передумало оно
И наотрез казаться отказалось...

На уроке химии

И вот уже образовалась жалость...
Лариса Тараканова

Ну вот... Уже образовалась жалость...
За нею образуется печаль...
Увы! Печали не образовалось:
В осадок жалость выпала... А жаль...

СВЕТЛАНА МАРЧЕНКО

РАССКАЗЫ

Странный тип

Сначала он пришел ко мне. Случайно познакомились на стадионе. Пока я варил кофе и соображал бутерброды, он, заложив руки за спину, прогуливался вдоль моего книжного стеллажа. А у меня в прихожей зеркало. Мне все видно. Так я шею в штопор скрутил: зеркало-то за спиной, а кофе на газу — вот-вот сбежит...

И что же? Хоть бы раз он вздрогнул, оглянулся, как все нормальные люди! Говорит, книги люблю! Тоже мне, книгочей. Нет, эту страсть не скроешь! Даже из порядочных многие считают, что книгу стащить — и не воровство вовсе! Потому — страсть высокая, и человек перед ней бессилен!

Кофе у меня в тот раз все-таки сплыл. Не весь. По чашечке нам осталось. Ну, жуем печенье «Крокет», кофе хлебаем, беседуем. Хорошая, говорит, у тебя библиотечка, книжка к книжке, не что попало нацапано.

Ага! Все-таки засек что-то! Сейчас почитать попросит. А я не дам. У меня принцип. Так и скажу.

Нет ведь — не попросил. Еще раз оглядел, покивал и — все. Тонкая штучка. Уже у двери говорит так запросто:

— Ну, теперь, брат, ты ко мне заходи! У меня тоже книги есть, может, заинтересуешься...

Вынул блокнот, написал, вырвал страничку, на полку под зеркало положил.

И через некоторое время сгодился мне этот адресок. Оказался я в том районе. Позвонил ему.

— А,— говорит,— заходи. Я, кстати, рыбки хорошей привез. Жду!

И трубку бросил. Ну, я намека не понял и за бутылкой не пошел — это надо квартал назад двигать. Да и не друг он мне, так, случайное знакомство.

Поднялся я на его этаж, у двери постоял — тихо. Значит, и правда один сидит, скучно ему одному рыбу жевать, вот и позвал.

Звоню. Дверь тут же открылась. Улыбается он, будто я ему брат!

А на столе салфеточка белая и накрыто на двоих. Бутылочка — все честь по чести. Садись, говорит, где нравится, вот паштет, вот лимончик, а вот и рыбка...

Ублажаемся. А я нет-нет да и на полки гляжу: мама милая! Чего только у него нет! Одна стена — целиком фантастика, видно, уважает очень. Я лично эту фантастику в гробу видел... Но чужой вкус мне не помеха, буду знать хоть, на что выменять можно у этого хозяина в случае чего.

— Если что почитать,— говорит,— хочешь, пожалуйста, хоть сейчас любую бери, когда прочтешь — отдашь...

Вот просто так и предлагает. Я даже рукой на него махнул: шутишь! Ведь он же меня не знает. Вот не знает, а дает. Значит, разиня. Не учили его еще за эту простоту. Так, брат, всю твою библиотеку на воздух пустить можно. Всем, поди, даешь, не записываешь... По глазам вижу. Кому-то, к примеру, Герман уйдет, а кому и Фолкнер... Нет, Фолкнера я не могу терять!

Тут кто-то в дверь позвонил, телеграмму, что ли, ему принесли... Ну, пока он там расписывался да с почтальоном беседовал, взял я этого Фолкнера под пиджак, локотком прижал, раскланялся — и все хлопоты!

Только, ей богу, я этого не хотел! Сам он во всем виноват. Сам меня на этот поступок толкнул. Да чего там? По юридической науке, девяносто процентов случаев — когда жертва сама провоцирует человека на преступление, вот так!

Газовый инструктаж

Итак, дорогие граждане, друзья-новоселы, с завтрашнего дня, то есть среды, вы будете, как и все жители благоустроенных квартир, охвачены таким благоустройством, как газ!

Что такое газ? Это уют, это быстрота, это и опасность... Да! Опасность!

Товарищи! Вы пришли от печного отопления и все знаете, что печь без присмотра опасна. Забыли головешку, закрыли трубу — рискуете угореть. И все-таки печка перед газом — это детский сад, кубики! С газом можно не только угореть, но и отлично взорваться! Невидимый, неслышимый, непахнущий источник возможного пожара! Его искусственно ароматизируют, чтобы мы могли его унюхать, когда он не горит, а просто идет. Перед тем как взять в руки коробок со спичками, зайдите на кухню и принюхайтесь. Если у вас насморк, пригласите здорового члена семьи или соседа, пусть они нюхают. Если никто ничего не унюхал — смело зажигайте спичку, отворачивайте краник, нет, не совсем, а настолько, чтоб горело. Ставьте кастрюлю или чайник. Но проверьте, есть ли в посуде что-нибудь. Мы с вами люди занятые, мы все живем в век завышенного потока информации, мы рассеянны, мы просто беспечны! Чего греха таить: о чем только не передумает женщина у газовки — вот муж где-то задерживается, а сегодня день зарплаты.

 А если опять напьется?.. Нет, я хочу сказать, может,

ваш конкретный муж совсем наоборот — не пьет! Я так, к слову.

Так вот, новое удобство требует к себе неусыпного внимания. В данном случае такое прекрасное современное человеческое качество, как коммуникабельность — поясняю: активное желание пообщаться с соседкой, с почтальоном,— может тут выйти, простите, боком!

Пример. Вы поставили суп, мясо с костью. Он варится долго. Вы дождались, когда он закипел, убавили пламя, сдвинули крышку и спокойно отправились выносить мусор. Это требует нескольких секунд, потому что прямо на вашем этаже мусоропровод. Так? И там, у мусоропровода, вы встречаетесь, допустим, с Марией Ивановной (имя вымышленное, я никого не хочу обижать!). У вас завязывается непринужденная дружеская беседа, ну, к примеру, о том, что во всех окнах щели или о перебоях с водой... Женщинам всегда есть о чем поговорить, верно? Женщина — очень эмоциональный субъект, натура у ней чувствительная и отзывчивая.

Наконец вы расстаетесь, идете каждая к своей двери. И тут обнаруживается что? А то, что Мария Ивановна захлопнула дверь, а ключа нет! Вы, как более предусмотрительная женщина, поставили замок на предохранитель. Вы бросаете у порога ведро и идете на помощь Марии Ивановне. И правильно! Я тоже за это. Человек человеку друг!

Но! Мы забыли о чем? Совершенно верно, о супе, то бишь о газе. Пока здесь происходили события — вызывали слесаря, ломали дверь,— там, в кухне, в это время творятся свои неотвратимые дела... Вы абсолютно уверены, что суп ваш наваривается, проваривается и прочее. А между тем кипящая жидкость... что? Да, совершенно верно, булькает. Еще как булькает! И вот в роль входит самый коварный

участник кипения — пена. О, эта пена! Что тут, товарищи, происходит? Да заливает... что заливает?.. Ну, громче, бабуся!.. Не-ет! Вы все ошибаетесь! Не газ она заливает, а только огонь, который пламя! А газ спокойнехонько продолжает идти! В этом весь ужас.

А вы возвращаетесь, а у вас, как назло, насморк, а вы рассеянны после происшествия с соседской дверью. Вы не видите огня, вы хватаете коробок! Стоп! А кто потом расскажет, как все это было?..

Что вы там перешептываетесь? Что? Записка? Давайте сюда! Та-ак. Читаю: «Нас тут 45 душ, если не считать старика Никифорова, из первого подъезда — он спит, ничего все одно не слышал. А мы, остальные все, слышали и решили: жили без газа и проживаем! Решение наше твердое!»

Содержание

ИБ № 786

СВЕРДЛОВСК УЛЫБАЕТСЯ

Редактор М. А. Федотовских. Художник Ю. М. Медовиков. Художественный редактор О. И. Журавлева. Технический редактор Л. М. Голобокова. Корректор И. Ш. Трушникова. Сдано в набор 11.03.81. Подписано в печать 27.08.81. НС 12190. Формат бумаги $70 \times 100^1/_{32}$. Типогр. № 2. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,2. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 15000. Заказ 152. Цена 40 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, 620219, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49. Обложка отпечатана в производственном объединении «Полиграфист», Свердловск, Тургенева, 20.

40 коп.

СВЕРДЛОВСК УЛЫБАЕТСЯ

Э. АБАЙДУЛЛИНА
С. АЙНУТДИНОВ
В. АНИЩЕНКО
В. АРК
С. АШМАРИН
В. БОГДАНОВИЧ
Ф. ВИБЕ
Б. ВОРОБЬЕВ
А. ГЕНКИН
Г. ДРОБИЗ
Б. ЗЕЛИЧЕНКО
Д. КЛЕЩЕВ
Ю. КОВЯЗИН
В. КОРШИК
В. КОСТРОМИН
Н. КРУТИКОВ
А. КРАВЦОВ
А. КУНИЦЫН
Ю. ЛЕВИТ
С. МАРЧЕНКО
Б. МАТЮНИН
М. НЕМЧЕНКО
В. ПАВЛОВ
Ш. ПАМИРОВ
А. ПИЧУРИН
Г. ПОДКУПНЯК
А. ПОПОВ
В. ПОСТОЕВ
О. РУДИН
В. СИБИРЕВ
В. СМИРНОВ
В. СУМНЫЙ
И. ТАРАБУКИН
Г. ТКАЧЕВ
В. ХОРОШИЛЬЦЕВ
М. ШВАРЦ
А. ШВЕДОВ
Р. ШИПУЛИН
Ю. ЮРЧИКОВ
Э. ЯКУБОВСКИЙ
Б. ЯШИН

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981